

Новое
в жизни,
науке,
технике

ЗНАНИЕ

Подписная
научно-
популярная
серия

7'91

Теория и практика социализма

А. Бовин
КРИЗИС
МИРОВОГО
СОЦИАЛИЗМА

c 5-6, 41-63, c 58-63
(45-48)

НОВОЕ В ЖИЗНИ, НАУКЕ, ТЕХНИКЕ

ПОДПИСНАЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОЦИАЛИЗМА

7/1991

Издается ежемесячно с 1967 г.

А. Бовин

КРИЗИС МИРОВОГО СОЦИАЛИЗМА

МОСКВА ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ» 1991

ББК 66.017

Б 72

Автор: **БОВИН Александр Евгеньевич**, политический обозреватель газеты «Известия».

Редактор: **В. Р. БЫСТРОВ**

Бовин А.

Б 72 Кризис мирового социализма. — М.: Знание, 1991. — 64 с. — (Новое в жизни, науке, технике. Сер. «Теория и практика социализма»; № 10).

ISBN 5-07-001627-X

40 коп.

Мировой социализм переживает серьезный кризис. Где его корни? Какова роль сталинизма в его возникновении? Устарел ли марксизм? Каковы перспективы выхода из кризиса? Актуальна ли сегодня проблема конвергенции? Об этих и других вопросах, связанных с кризисом социализма, размышляет автор

0301010000

ББК 66.017

ISBN 5-07-001627-X

© Бовин А. Е., 1991 г.

Возможно, моя мысль покажется слишком размахистой, недостаточно фундированной, но я начну все же с утверждения: в 1989—1991 годах центр мировой политики, социальных перемен мирового значения переместился в Центральную, Восточную и Юго-Восточную Европу (далее для краткости—Восточная Европа). Здесь, как и в Советском Союзе, происходят события и процессы, последствия которых наложат свой отпечаток на всемирную историю и в значительной мере изменят наши (марксистские) представления о формах и закономерностях общественного прогресса.

Прежде чем перейти к рассмотрению упомянутых событий и процессов, приведу несколько типичных западных оценок.

Фелипе Гонсалес, глава правительства Испании: «Мы присутствуем не только при ликвидации «холодной войны». Мы являемся также свидетелями исчезновения основополагающих характеристик нынешнего века. Это был век существования крупных эталонных моделей — капитализма, коммунизма, которые считались непримиримыми. Отныне больше нет модели для подражания. Мы присутствуем не просто при триумфе капиталистической модели, но при победе западного мира, победе гибкости над негибкостью. Тоталитарные режимы претендовали на то, что имеют ответ на все вопросы. Они превратили политику в религию. Это были закрытые системы, которые потерпели провал. Новая Европа стремится к тому, чтобы все разделяли определенные ценности; и в первую очередь ценности человеческой свободы».

Влашко Милета, профессор факультета политических наук Загребского университета: «Мы являемся свидетелями процесса, когда одна система, тщательно создаваемая в течение десятилетий, распадается с такой скоростью, какой никто не мог предположить. Социологам и политэкономам было ясно, что речь идет о системе, которая строилась с крыши, без каких-либо стабильных основ, и только вопрос времени, когда она разрушится. ...Это по-

звolyет сделать вывод, что перед нами — эксперимент и система, которая так и не прижилась, система без опоры в народе, опирающаяся на тонкий слой привилегированных, которые сами себя называют профессиональными революционерами, хотя следовало бы их назвать современными феодалами».

Дон Обердорфер, известный американский политический обозреватель: «Всего за четыре месяца сталинские системы, которые были навязаны... восточноевропейским странам сорок лет назад, были отвергнуты, а правящие коммунистические правительства отстранены от власти или так скомпрометировали себя, что дальнейшее их пребывание у власти крайне сомнительно. Внезапный крах московской империи в Восточной Европе... это... вероятно, самое важное политическое событие 80-х годов».

СИМПТОМЫ БОЛЕЗНИ

Букет оценок может быть более или менее пышным, за словами «крах», «провал», «крушение» и т. п. могут скрываться и радость и горе, и разочарование и надежды, но в любом случае а их основе — глубокий всесторонний кризис социализма. Распалась, распадается модель «раннего», «казарменного» социализма, который сначала формировался в Советском Союзе, а затем был экспортирован во все страны, причисленные к лику социалистических. Грандиозный «социалистический» эксперимент, заполнивший собою историю XX века и связанный с именами К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, дал отрицательный результат. Общества, которые именовались социалистическими, не доказали своих преимуществ перед капитализмом. Строго говоря, социализм нигде не был построен.

Кризис социализма — одна из главных причин кризиса международного коммунистического движения. Всюду сокращается численность компартий, они «стареют», падает их поддержка со стороны трудящихся, размывается их социальная база. Практическое коммунистическое движение как всемирная идейно-политическая общность перестало существовать.

Кризис социализма является и причиной дискредитации «некапиталистического пути развития», все более заметной переори-

ентации стран «социалистической ориентации», которая так и не смогла решить проблемы «третьего мира».

Кризис социализма самым непосредственным образом связан с кризисом классического марксизма (марксизма-ленинизма, научного социализма), его неспособностью ответить на большую часть вопросов, которые ставит перед нами жизнь, социальная практика. Если «реальный социализм» отстал от научно-технического прогресса, то «реальный марксизм» еще больше отстал от прогресса в развитии общественной мысли.

Симптомы кризиса социализма очевидны. Это прежде всего замедление экономического роста, хроническое отставание от среднемирового уровня научно-технического прогресса. По данным аналитической службы ЦРУ США, к 1989 году душевой показатель валового национального продукта в Восточной Европе снизился до 27% аналогичного показателя США против 32% в 1975 году. Особенно разительно отставание в областях, связанных с новейшей техникой и технологией. Социализм так и не сумел догнать капитализм по уровню производительности труда.

Мы постоянно ставили себе в заслугу «заботу о человеке». А что вышло на поверку? По всем источникам финансирования в 1988 году в здравоохранение вложено в СССР 25,5 млрд. руб., а в США — 200 млрд. долл., в образование соответственно 46,7 млрд. руб. и 300 млрд. долл. Охрана труда из расчета на одно рабочее место обходится у нас в 55 руб., а в США — 280 долл. Если сделать перерасчет по рыночному курсу, то разница становится чудовищной! Вспомним А. Платонова: «...одними идеями одеваемся, а порток нету!»

Во всех социалистических странах отмечаются пугающее ухудшение экологической обстановки, неудовлетворенность большей части населения качеством жизни, падение трудовой морали и общественных нравов, засилье бюрократического аппарата, цинизм и коррупция, снижение авторитета правящих партий, распространяющееся во всех слоях общества неверие в идеалы социализма.

Выступая на XXVIII съезде КПСС, М. Ульянов дал такую аттестацию нашему, «родному», социализму: «...социализм негибкого догматизма, социализм унылой уравниловки, социализм нищих, социализм безмолвных винтиков, социализм непререкаемых

вождей и безмолвных масс, социализм разгрома крестьянства — своего кормильца, социализм сбившихся в плотную стаю уравненных в нищете и глобальной зависимости, которые от тоски и бесперспективности готовы растоптать любого, кто не похож на них, кто смеет думать не так, как все. Кто смеет не подчиняться норме, которую они-то и создали по своему образцу и подобию. Социализм, который когда-то был повернут с истинного пути и стал служить не людям, а вождям и голой идее...

Система такого социализма вышибала из людей малейшее проявление духовности. Вся политика уничтожения личностей и духовности была свирепа и беспощадна... И вот теперь у нас дефицит личностей. Дефицит индивидуальностей. Дефицит талантов. Дефицит достоинств. Может быть, самый страшный дефицит — его карточной системой не решишь». Сказано точно. Тут ни прибавить, ни убавить...

«Набор» тех или иных признаков стагнации, разложения «реального социализма» менялся от страны к стране. Но везде росли недовольство сложившимся положением вещей, острая потребность перемен.

Мы привыкли щадить себя, говоря о «болезнях роста», «трудностях роста», «отдельных» зигзагах истории и т. д. и т. п. Однако обстановка настолько серьезна, что пришлось расстаться с иллюзиями и назвать вещи своими именами. Социализм, тот социализм, который считался существующим, «реальным», зашел в тупик. Можно говорить о застое, о деформациях или отклонениях, но это — тупик. Поэтому никакой набор мер «по дальнейшему совершенствованию» не поможет. Чтобы выйти из тупика, надо отойти назад, отступить, вернуться к тому историческому перекрестку, от которого началось движение по тупиковой ветви развития. Вернуться, чтобы пойти иным путем. И главное содержание социально-экономических, идейно-политических процессов, охвативших в 80-х годах социалистические страны, — это именно отступление, движение назад, восстановление, казалось бы, уже преодоленных форм хозяйства и общественной жизни.

Распад лотемкинских деревьев «реального социализма» охватывает все сферы общественной жизни. В идейном плане отступление социализма сопровождается подъемом антикоммунистичес-

ких, антисоциалистических настроений. Отрицается правомерность самой социалистической идеи. Падает престиж общественной науки. Все шире распространяется религиозное сознание, активизируются церковные организации. Усиливается массовая тяга к иррациональному, тайному, мистическому.

В плане политическом суть происходящего — ликвидация монополии коммунистов на власть, точнее, отстранение их от власти, формирование многопартийных систем, возвращение к классическому парламентаризму. Идет становление независимых профсоюзов. Неприязнь к коммунистам, особенно к верхним эшелонам партийной иерархии, вспышки агрессивного антикоммунизма ощущаются повсеместно. Ибо повсеместно политическое руководство оказалось крайне неэффективным, а партийный аппарат превратился в ядро «нового класса» (М. Джилас) со своим образом и уровнем жизни, далекими от образа и уровня жизни народа.

Если взять экономическую сторону дела, то здесь берется курс на демонтаж производственных отношений государственного социализма, приватизацию экономики, возрождение частной собственности и частного предпринимательства, утверждение рыночных отношений как доминирующих, главенствующих. Демонполизируется внешняя торговля, активно привлекается иностранный капитал.

ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ ПЕРЕМЕН

Строго говоря, попытки перемен, поиски новых путей к социализму и нового социализма имеют довольно долгую историю. Пионером здесь была Югославия, которую толкал к реформам разрыв со Сталиным.

Истоки кризиса в советско-югославских отношениях — попытка Югославии сделать менее жесткой опеку Москвы, чуть раздвинуть область своей независимости. Отвечая на обвинения Сталина, Тито писал в ЦК ВКП(б) 19 апреля 1948 года: «В общественном преобразовании Югославии имеются многие специфические черты, которые с пользой могут быть применены в других странах, и их уже применяют. Это не значит, что мы оставляем в тени роль ВКП(б), что этим оставляем в тени общественную систему СССР.

Наоборот, мы изучаем и берем как пример советскую систему, но дело в том, что мы строим в нашей стране социализм с другими в известной степени формами... Мы это делаем не для того, чтобы доказать, что наш путь является лучшим, чем тот, по которому шел Советский Союз, не для того, чтобы выдумать что-то новое, но потому, что это перед нами ежедневно выдвигает жизнь». В ответном письме от 4 мая 1948 года Сталин и Молотов писали: «Мы считаем, что в основе нежелания Политбюро ЦК КПЮ честно признать свои ошибки и добросовестно их исправить лежит чрезмерное зазнайство югославских руководителей. После одержанных успехов у них закружилась голова, они зазнались и считают, что им теперь море по колено. Они не только зазнались, но они еще проповедают зазнайство, не понимая, что зазнайство может загубить югославских руководителей».

Резолюции Коминформа, принятые по инициативе КПСС, практически означали изгнание Югославии из коммунистического движения, разрыв ее отношений со всеми странами народной демократии. Но югославы выдержали сильнейший нажим Сталина и сталинистов, отвергли все попытки вмешательства в их дела и пошли своим путем — путем «самоуправленческого социализма».

Во второй половине 50-х годов под влиянием XX съезда КПСС и нашей — к сожалению, скоротечной — «оттепели» в ряде восточноевропейских стран произошла, скажем так, корректировка политических режимов. Пределы такой корректировки четко обозначили советские танки на улицах Будапешта в октябре—ноябре 1956 года. А вскоре загрохотали идеологические танки — началась кампания борьбы с «ревизионизмом», то есть преследование наиболее творческих, самостоятельно мыслящих людей.

Пожар был потушен, но угли продолжали тлеть. Поиски, эксперименты не прекращались. В их ряду ушедшая в песок экономическая реформа 65-го года в СССР, более основательные экономические преобразования в Венгрии, «пражская весна» 1968 года, потом — Польша. К сожалению, попытки вывести социализм на новые рубежи не привели тогда к успеху. Причины разные. Но одна из главных, если не главная, — тормозящее воздействие Советского Союза, руководство которого до середины 80-х годов

в целом оставалось в плену сталинистских, вульгарных представлений о социализме.

И все же постепенно, подспудно зрело, росло, пробивало себе дорогу понимание того, что социализм оказался на тупиковой ветви социального развития. И что «дальнейшее совершенствование» бессмысленно. Нужно ломать, переделывать, перестраивать.

Первые радикальные меры «нового поколения», направленные на то, чтобы вывести страну из тупика, предпринял Китай. Точной отсчета здесь служит III пленум ЦК КПК 13-го созыва, состоявшийся 18—22 декабря 1978 года. Пленум провозгласил «раскрепощение сознания» и отiaz от леворадикальной идеологии, выдвинул программу «четырех модернизаций» (сельского хозяйства, промышленности, обороны, науки и техники), охарактеризовав ее как «широкую и глубокую революцию», поставил вопрос о «серьезной реформе системы экономического управления и методов хозяйствования». Основное направление реформы — укрепление товарно-денежных отношений, плюрализм форм собственности, конкуренция, ликвидация уравниловки. Общий лозунг — создание социалистического товарного хозяйства.

В китайской деревне возобладала подрядная система. В городе на промышленных и торговых предприятиях внедрялись аренда, подряд, акционерные компании. Заметно улучшилось продовольственное положение в стране. Резко активизировалась промышленность, выпускающая товары потребительского спроса. Настоящий бум охватил мелкое предпринимательство.

Однако успешно начатая экономическая реформа через несколько лет застопорилась. Самостоятельность предприятий в условиях товарного дефицита привела к инфляции. Резко поднялись цены. Массовый характер приобрела спекуляция. Усилилась дезорганизация производства. Снизились темпы роста в промышленности и сельском хозяйстве. Чтобы справиться с нарастающим хаосом, коррупцией, правительство притормозило осуществление реформы, расширило сферу централизованного планирования, частично восстановило административные методы руководства экономикой. Тем не менее экономические преобразования значительно опережали перемены в политической жизни. Отсутствие демократии, гласности лихорадило общество, усиливалось протесты. Развяз-

ка наступила в ночь с 3-го на 4-е июня 1989 года, когда раздались выстрелы на площади Тяньаньмэнь. Было много убитых и раненых. Начались аресты, чистка органов массовой информации.

В ответ на массовые выступления руководство ЦК КПК повело борьбу с «буржуазным либерализмом», за укрепление авторитета и влияния партии, усиление партийного руководства экономикой, за политическую стабильность как предпосылку успешных реформ в экономике. Об атмосфере, господствующей в Китае, дает представление статья Цзян Аня «Придерживаться позитивной пропаганды, совершенствовать критические сообщения», опубликованная 15 февраля 1990 года в «Жэньминь жибао». Цитирую: «Реформа ускорила исторический прогресс, ее плодами воспользовались все жители огромной страны. С воодушевлением стремился народ к новым победам. Как раз в это время наши средства массовой информации, не придерживаясь должным образом курса позитивной пропаганды, ослабили пропаганду социалистической идеологии, а некоторые газеты, словно в горячке, принялись разоблачать теневые стороны партии, договорившись до того, что партия, социалистический строй не имеют никаких достоинств. Зато капиталистический строй они описывали в весьма привлекательном виде — вроде бы у Китая другой дороги, помимо капиталистической, уже нет. Это сформировало в стране такую атмосферу, в которой идейная волна буржуазной либерализации росла день от дня. Под натиском этой ошибочной идейной волны некоторые люди проявили колебания, задаваясь вопросами: осуществим ли коммунизм, годится ли социалистический строй, сколь долго удержится в такой ситуации красное знамя Коммунистической партии? В средствах массовой информации некоторые заявляли, что народность выше партийности, требуя ничем не ограниченной «информационной свободы». Одно время печать не проявляла энтузиазма в позитивной пропаганде, а положительные примеры, вроде Лэй Фэна, Ван Те-жэня, не часто появлялись на страницах газет. Наоборот, вещи, пропагандировавшие буржуазные ценности, вскрывавшие «ограниченность» социализма, вещавшие о «партийном разложении», появились во множестве. В газетах появились даже эротические, порнографические материалы, в результате чего буржуазные идеи, стили жизни разлагали людские души».

Читая это, трудно избавиться от впечатления, что китайские руководители ориентируют идейно-политическую, пропагандистскую работу на граждан вчерашнего дня. Возможно, я ошибаюсь, но у меня нет уверенности в том, что такой метод сохранения политической стабильности, повышения авторитета партии дает устойчивые результаты.

29 января 1991 года в китайских газетах опубликованы рекомендации ЦК КПК по экономическому и социальному развитию страны до 2000 года и в течение восьмой пятилетки. Даны традиционные характеристики социализма (диктатура пролетариата, руководство компартии, приоритет социалистической собственности, гармоничное развитие производительных сил, заимствование лучших культурных достижений мира). Правда, упомянуты и частный сектор, и иностранный капитал. Но упор делается на выявление лучших качеств общественного сектора. Выдвигается формула «Государство превыше всего». Это — теория. Применительно же к практике документы осторожны и часто неоднозначны. Типичный компромисс между рыночной и централизованной экономикой. Как говорят в Китае «переходим реку, нащупываям камни...».

Сравнивая развитие событий в СССР* и КНР, нельзя не видеть и различия, и сходство. Различия: там наиболее глубокие перемены произошли в экономике при явно заторможенном движении идейно-политической сферы. У нас же — перемены в идеологии, в политике далеко обошли экономическую реформу. Отсюда и сходство: в обеих странах существует разница потенциалов, напряжение между экономическим и политическим полюсами. В Китае напряжение разрядилось танками на Тяньаньмэне. На Красной площади танков еще не было. Но мы подошли к опасной черте.

РАЗВИТИЕ СОБЫТИЙ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Разительные перемены, охватившие такие державы, как СССР и КНР, не могли не оказать влияния на общие судьбы социализма.

* Я не излагаю ход перестройки в СССР, считая, что каждый читатель хорошо информирован по этому вопросу.

1989—1990 годы ознаменовались втягиванием в «перестройку» основного массива европейских социалистических стран.

Почти десятилетняя «пауза» в Польше закончилась в 1989 году. Военное положение не смогло создать условий для решения задач, стоящих перед страной, преодолеть пассивное сопротивление нации. Признав фактически свое бессилие, правительство вступило в переговоры с оппозицией («круглый стол»). Была легализована «Солидарность». На выборах в июне 1989 года ПОРП потерпела поражение. В сентябре правительство возглавил близкий к «Солидарности» Т. Мазовецкий. Это был первый в мировой истории случай, когда коммунисты уступили власть.

XI съезд ПОРП, состоявшийся в январе 1990 года, подвел итоги деятельности партии. С политическим докладом выступил Первый секретарь ЦК ПОРП М. Раковский. Приведу выдержку из его доклада: «Навязанная и принятая модель советского социализма, фактически функционировавшего вплоть до полного формирования концепции перестройки, была одной из главных причин поражения такого огромного масштаба. Это касается не только ПОРП. Упомянутая модель, родившаяся в феодально-крепостной стране, без глубоких демократических традиций, была по своей сути историческим продолжением нравов, характерных для феодальной эпохи. Наш народ, несмотря на несомненно более высокий уровень цивилизации, а также почетное место, занятое Польшей в Европе и мире, инстинктивно ощущал надуманность и чуждость реализуемой нами концепции государственного устройства и сносил это в интересах национальной безопасности, что является ценным завоеванием послевоенных лет. Несомненно, это горькое признание, но его нужно сделать, если мы хотим иметь авторитет у будущей, нарождающейся социалистической партии левых сил», — сказал М. Раковский. Касаясь социально-экономических причин поражения формации, которая строилась в Польше с 1945 года, он отметил, что их надо искать в недрах марксистского социализма, который, по существу, предполагал замену рыночных механизмов полным или частичным планированием и распределением национального дохода. «Эта идея оказалась целиком утопической. Она породила на практике необычайно мощную структуру бюрократической системы управления. Подвергая крити-

ке действующую десятилетиями хозяйственную систему, следует одновременно признать утопическими предположения о надежде на то, что нет якобы противоречий между социальной защитой, социальной справедливостью и экономической эффективностью, а также капиталом и трудом. Это противоречие существует. Марксовский социализм хотел его разрешить односторонне и радикально, что в конечном результате привело к торможению экономического развития и формированию сильного бюрократического государства».

По предложению М. Раковского XI съезд польских коммунистов принял специальное постановление о завершении деятельности ПОРП. Привожу его текст полностью, поскольку этот документ имеет отношение не только к Польше.

«Польша переживает переломный момент. Родившийся в послевоенных условиях ограниченного суверенитета и сталинского господства общественно-экономический строй не сумел удовлетворить общественных потребностей, не обеспечил реализацию ценностей, отражением которых должен был быть. Ведь не стало в нем ни свободы, ни справедливости.

История вынесет справедливое суждение о деятельности и наследии ПОРП. Неоспоримым является ее участие в послевоенных движениях Польши — в возрождении страны, освоении возвращенных земель, создании материальных основ, позволивших миллионам поляков добиться подлинного цивилизованного прогресса, в обеспечении Польше на протяжении 45 лет мира и безопасных границ. Однако следует помнить об ответственности ее руководства за преступления сталинского периода. ПОРП несет также ответственность за нарушение принципов демократии, за принудительную коллективизацию, за конфликты с рабочим классом, за пауперизацию интеллигенции, за экономические и общественные кризисы. Нужно при этом учитывать факт, что сталинизм, а затем неосталинизм, навязанные послевоенной Польше, не выросли из традиций и стремлений польских левых сил.

Справедливые оценки прошлого должны отделить честную активность и патриотизм миллионов трудящихся от бюрократической практики и злоупотреблений властью. Мы отдаем справедливость

идейным и честным членам партии, которые сумели этому противодействовать.

На протяжении всей истории ПОРП развивалось течение ее реформаторской мысли. Усиливаясь в последнее десятилетие, оно участвовало в создании условий для политических и экономических реформ, выражением чего были X пленум ЦК ПОРП и инициатива проведения «круглого стола». Жизнь признала правоту тех, кто в рядах партии, а зачастую и вне их видел необходимость глубоких перемен. Это их заслугой было понимание сущности новых условий и потребностей, удовлетворить которые не могла ПОРП.

Делегаты, собравшиеся на XI съезд ПОРП, сознавая невозможность возвращения вновь Польской объединенной рабочей партии общественного доверия, постановляют завершить деятельность ПОРП. Новой в своей сущности Польше нужна новая политическая структура польских левых сил. Наступает время ее строительства». Не все партии имеют мужество честно оглянуться на свое правящее прошлое. Поляки смогли это сделать. И та правда, которую они сказали о себе, имеет отношение не только к ним...

Преимуществом ПОРП считает себя социал-демократия Республики Польша. Это уже не авангардная партия, не первая среди равных, а просто одна из многих... Всего на конец 1990 года зарегистрировано 39 политических партий, включая Партию друзей пила. Плюс к этому действуют более 100 незарегистрированных групп и движений.

1 января 1990 года правительство Т. Мазовецкого сообщило полякам «правду без прикрас» и приступило к «шоковой терапии» (план Бальцеровича) в общем контексте постепенного демонтажа социализма. В целях преодоления гиперинфляции и оздоровления экономики на рыночной основе был снят контроль с цен на большинство товаров и услуг, уменьшены субсидии для потребителей и производителей, снижен уровень индексации заработной платы. Злотый был девальвирован более чем на 70 процентов, что привело к его стабилизации и превращению, по меньшей мере частично, в конвертируемую валюту. Можно сказать, хотя и с большими оговорками, что рыночное равновесие было достигнуто. Ка-

кой ценой? Резкое снижение покупательной способности населения, экономический спад, безработица. О «плане Бальцеровича» Л. Валенса сказал: «Поддерживаю. Это бандитский подход, но единственный в настоящее время».

Президентские выборы в июле—декабре 1990 года, поражение Т. Мазовецкого и победа Л. Валенсы показали, что поляки не довольны создавшимся положением и требуют перемен. Каких? Этого, видимо, не знает и «сам» Валенса.

В Венгрии относительно мелкие преобразования экономической и политической жизни осуществлялись медленно и долго («эпоха» Кадара, эпоха «компромиссного обновления социализма»). Толчком для активизации общественного мнения, ускорения перемен послужили обсуждение событий 1956 года, а затем последующая реабилитация И. Надя и перезахоронение его останков. Началось спонтанное возрождение старых партий и формирование многопартийной системы.

Не выдержав давления извне и изнутри, ВСРП распалась. «Обновленцы» образовали Венгерскую социалистическую партию. Традиционно мыслящие коммунисты высказались за сохранение ВСРП. Состоявшийся в январе 1990 года I пленум «новой» ВСРП отмежевался от ошибок прошлого и объявил о создании «современно мыслящей» марксистской партии, которая ставит своей задачей предостеречь поворот страны вправо. Однако этого сделать не удалось. На мартовско-апрельских выборах 1990 года ВСРП не получила ни одного места в парламенте, а «обновленцы» — 33 из 386. Правительство сформировали две новые правых-центристские партии: Венгерский демократический форум (42,7 процента голосов) и Христианские демократы (5,4 процента), поддержанные старой Независимой партией мелких хозяев (11,1 процента).

В сентябре 1990 года была обнародована правительственная программа «национального возрождения», менее «шоковая», чем польская, но идущая в том же направлении. В рамках перехода к «социальному рыночному хозяйству» продолжало укрепляться положение независимых коммерческих банков, создавались рынки акций и ценных бумаг, расширялись права частных и иностранных собственников. Частным фирмам разрешено нанимать до 500 ра-

ботников. Около 70 процентов цен выведено из-под правительственного контроля.

Программа жесткой экономии вызвала возмущение в стране. Однако коалиционное правительство не собирается менять намеченный курс.

Гораздо более стремительно развивались события в ГДР. 18 октября 1989 года («День поворота») IX пленум ЦК СЕПГ отправил Э. Хоннекера на пенсию. Обновленное руководство рассчитывало начать спокойный диалог с общественностью о судьбах социализма в ГДР. Но опоздало. «Мы, конечно, понимали, — пишет в своих мемуарах Э. Хоннекер, — необходимость последовать примеру Горбачева в демократизации общественной жизни. СССР являлся ядром, ведущей силой социалистического мира. Анализируя происходящие в нем перемены, мы размышляли о том, как осуществить сходные политические реформы с учетом наших реалий. Создали даже целый ряд комиссий, которые должны были внести конкретные предложения. Но, как показала жизнь, опоздали. Опоздали прежде всего из-за того, что солидарность между социалистическими государствами к этому времени выдохлась». Последнее суждение спорно. Дело не в том, что выдохлась солидарность. Корни поражений глубже. «Выдохлась» вся концепция того «социализма», который утвердился в ГДР. И люди предпочли самый простой способ критики этой концепции — поворот в сторону ФРГ.

Мирное преодоление берлинской стены в ночь с 9 на 10 ноября стало европейской и мировой сенсацией. Падение старого политического режима потребовало всего нескольких недель. Чрезвычайный съезд СЕПГ, состоявшийся в декабре 1989 года, добавил к названию партии слова «партия демократического социализма». Но это уже ничего не меняло. Важнейшим фактором политической жизни ГДР стали «улица» и боннские кабинеты.

Неожиданно для многих, почти для всех, вопрос об объединении Германии сразу же вышел на авансцену. И последние месяцы самостоятельного бытия ГДР заполнены обсуждением этого вопроса. 3 октября 1990 года был подписан Договор об объединении Германии. Человечество обогатилось новым опытом: мирным переходом от социализма к капитализму.

Перемены в ГДР подтолкнули «бархатную революцию» в Чехословакии, которая датируется 17 ноября 1989 года. Под давлением массовых выступлений были отстранены от власти люди, связанные с августом 1968 года. Вышедшие из политического небытия А. Дубчек и его соратники скоро поняли, что они находятся гораздо левее «новых правых» и поэтому обречены в своих мемуарах воспевать вечную «пражскую весну» образца 1968 года.

Место президента Чехословакии коммунист Г. Гусак уступил беспартийному В. Гавелу. Свой первый визит Гавел совершил в США. Выступая 21 февраля 1990 года в конгрессе, он сказал: «Я часто слышу вопрос: как Соединенные Штаты Америки могут помочь нам сегодня? Мой ответ будет парадоксальным, как и вся моя жизнь: вы можете лучше всего помочь нам, если поможете Советскому Союзу на его необратимом, но крайне сложном пути к демократии. Чем скорее и чем более мирным путем Советский Союз начнет продвигаться по пути подлинного политического плюрализма и рыночной экономики, тем лучше будет не только для чехов⁴ и словаков, но и для всего мира».

26 февраля президент ЧССР посетил Москву. Была принята Декларация об отношениях между СССР и ЧССР. В ней нет слов «социалистический интернационализм». В качестве основы взаимоотношений указаны равноправие и уважение суверенитета. Весь документ состоит всего из трех небольших абзацев. При нашей любви к многословию это производит впечатление!

На июньских выборах 1990 года Гражданский форум совместно с организацией «Общество против насилия» набрали 46,5 процента голосов. КПЧ получила 13,5 процента. Правительство явно находится значительно правее центра. В марте 1991 года Гражданский форум распался на Гражданское движение (либеральное меньшинство) и Гражданскую демократическую партию (правое большинство). По словам лидера ГДП В. Клауса, программа партии закрепляет разрыв с социализмом. «Мы отрицаем утопический приоритет коллективных интересов над личными». В первую половину 1991 года отмечалось нарастание антикоммунистических тенденций.

События в ГДР и Чехословакии не могли не отразиться на положении в Болгарии. Хотя «перестройка» там уже шла, но шла

черепашными темпами. И только после того, как 10 ноября 1989 года был смещен Т. Живков, мотор перемен стал набирать обороты. По сравнению с ГДР и Чехословакией в Болгарии коммунисты отступили в большем порядке. Сказалась, возможно, слабость оппозиции. Сыграли свою роль и быстрое избавление от значительной части живковского окружения, а также решительный приступ к перестройке самой партии. XIV внеочередной съезд БКП принял в феврале 1990 года «Манифест демократического социализма в Болгарии». В нем, в частности, говорится: «Наступило время серьезных изменений в представлениях о социализме и партиях, которые борются за его реализацию в обществе... Партия считает своим высшим долгом сказать всю правду рабочему классу, крестьянству и народной интеллигенции, всей своей социальной базе, что единственный путь спасти и реализовать социализм в Болгарии заключается в перестройке социалистического общества, которое существует сейчас у нас, в перестройке БКП... Партия отказывается как от конституционного закрепления своей руководящей роли в обществе, так и от монополии на власть. Структурное и кадровое сращивание партии с государством вредит как обществу, так и партии. Это не отказ от борьбы за власть, а признание верховенства воли народа по вопросу, кто и как будет управлять... Партия будет использовать все ценное, подтвержденное практикой и продолжающее оставаться верным из классической марксистской теории, из развития общественной мысли в коммунистическом и социал-демократическом движении, из достижений прогрессивного общественнознания вне марксизма, развития науки, культуры и цивилизации в современном мире».

Поначалу казалось, что столь радикальная — по меркам коммунистов — идейно-политическая переориентация партии плюс ее переименование 3 апреля в Болгарскую социалистическую партию позволят ей удержаться у власти. И в самом деле. На выборах в Великое народное собрание, которые состоялись 10 и 17 июня, БСП получила 211 мест из 400. Главное оппозиционное движение — Союз демократических сил (СДС), объединявший с 7 декабря 1989 года 16 партий и клубов и отвергающий социализм как «утопию», получил 144 места. Формально — победа БСП. Но существо дела определялось не в парламенте. За оппозицию горой

стояла молодежь. В Софии началось «безумное лето» — беспорывные и шумные митинги, демонстрации, голодовки.

В июле ушел в отставку президент — «социалист» П. Младенов. Выборы нового президента продолжались с 20 июля по 1 августа. Лишь с шестого захода депутаты Великого народного собрания избрали президентом Жельо Желева, бывшего коммуниста, порвавшего с партией в 1965 году, а ныне — председателя СДС.

Все лето продолжались попытки сформировать коалиционное правительство. СДС не соглашался ни на какие условия. И в сентябре А. Луканов создает кабинет из социалистов с привлечением нескольких беспартийных. Тоже — победа. Но, как выяснилось чуть позже, победа пиррова.

Правительство А. Луканова предложило довольно разумную программу первоочередных мероприятий, направленных на стабилизацию экономики и перевод ее на рыночные рельсы. Но оппозицию, и прежде всего Союз демократических сил, все это не устраивало. Становясь все более настойчивой и непримиримой, активно пользуясь гласностью и «улицей», она обвиняла правительство в медлительности. Коммунисты оказались в изоляции. 29 ноября коммунистическое правительство пало. Новое правительство возглавил Димитр Попов (независимый). Страна вступала в новый этап своей истории.

О чем говорит развитие событий в Польше и Венгрии, ГДР, Чехословакии и Болгарии? Стремление к переменам «снизу» не встретило там открытого, насильственного сопротивления «сверху». Массовые движения подталкивали верхи, ставили им условия, выдвигали требования. И как правило, добивались успеха. Поэтому радикальные перемены удавалось удерживать в рамках политической эволюции, избегать опасных потрясений, взрывов, глубоких разломов социальной почвы.

Только Румыния испила чашу сию. Клан Чаушеску оказался не способен к реформам и в декабре 1989 года был сметен народным восстанием. Н. Чаушеску и Е. Чаушеску были казнены...

Самодержцам мало, чтобы их боялись. Они хотят, чтобы их любили. Официальная любовь — это темь неофициального страха, обратная сторона разъедающего душу раболепия. И взрываются аплодисментами огромные залы. И заполняются улицы восторжен-

но ревущей толпой. И услужливая пресса изо дня в день тиражирует всеобщее восхищение... Но чем плотнее сотканное пропагандистской машиной покрывало всеобщего обожания, тем эффективнее действуют глубинные, скрытые под поверхностью событий механизмы, перегоняющие любовь в ненависть, восхищение в ярость. «Когда сажают дерево, корни которого питаются кровью,— писал Фирдоуси, — то сколько бы ни прошло времени, на нем вырастут плоды мести...» И месть свершилась. Не суд, тем более праведный, а именно месть, возмездие, кара.

Специфика румынской «революции молодых» — полная дискредитация почти четырехмиллионной Коммунистической партии. Растленная тираном и его сатрапами, разложенная раболепием рабов, она оказалась вне революции. Исчезла. По требованию толпы Совет фронта национального спасения 12 января 1990 года объявил РКП вне закона. Правда, через несколько дней это решение как противоречащее политическому плюрализму было отменено.

Газета «Тинеретул либер» писала: «Самую большую опасность на сегодняшний день для всех завоеваний революции представляют анархия, вакуум власти, использование сложностей переходного периода в личных, корыстных целях. Революция продолжает свое движение вперед, убийцы и предатели народа должны получить смертную кару. Но будем же вершить правосудие с незамутненным умом, с мыслью о собственных детях, глаза которых сегодня широко раскрыты».

Весь 1990 год прошел под знаком борьбы разномастной оппозиции (создано более 100 политических партий) с правительством. Оппозиция утверждала, что к власти разными путями «пробрались» представители старого режима, в том числе аппарата РКП. Власть легитимировала себя сначала интересами революции, доверием масс, а затем — результатами выборов 20 мая 1990 года, когда ФНС получил более 66 процентов всех голосов. Тем не менее оппозиция, судя по всему, намерена бить в одну точку, ставя под вопрос правомочность, точнее политико-нравственное основание пребывания у власти лидеров старого закала.

Отвечая критикам, И. Илиеску, нынешний президент Румынии, говорил: «Я не знаю, каково будет дальнейшее развитие страны.

Но с опытом, основанным на коммунистической идеологии, для нас покончено. Я говорю об этом с сожалением, потому что в прошлом сам был активистом компартии. У меня была надежда, я связывал свои надежды на более справедливое общество с социализмом и коммунизмом. Но на практике эта идеология, или, скорее, догматический подход к ней, привела к социальной и политической практике, которая потерпела неудачу. Мы хотим освободиться от всякой идеологии, от всяких моделей, догм и иметь возможность действовать, исходя из имеющихся реальностей.

Но ему не верят, особенно молодежь. «Капля долбит камень». И не исключено, что оппозиции, идеологией которой служит воинствующий антикоммунизм, удастся повторить болгарскую модель развития. Тем более, что оппозиция консолидируется. В апреле 1991 года основные оппозиционные силы объединились в Антитоталитарный демократический форум. Чтобы избежать национальной катастрофы, форум потребовал распустить парламент и провести новые всеобщие выборы.

Дольше всех держалась неосталинистская модель социализма в Албании, самой бедной и изолированной стране Европы. До конца 1989 года демократия, гласность находились там на нулевой отметке. Господствовал тоталитарный, репрессивный режим, вслестически искоренялось свободомыслие. Албанские газеты не стеснялись в выражениях по поводу советской перестройки, которая трактовалась ими как продолжение «хрущевского ревизионизма». Но крот истории, если использовать слова К. Маркса, делает свое дело. Даже в Албании.

Еще в январе 1990 года IX пленум ЦК АПТ прошел вполне в духе неосталинизма. Вскоре после пленума вышел из печати очередной, 68-й том трудов Э. Ходжи. Но в этом вполне «очередном» событии уже было что-то не совсем очередное, искусственное, нарочитое. Тревожное ощущение назревающих перемен усиливалось.

Отсчет нового времени пошел весной 1990 года. В апреле 10-й пленум ЦК АПТ робко, но обозначает контуры поворота. Выступая на пленуме, первый секретарь ЦК АПТ Р. Алиа, в частности, заявил о намерении нормализовать отношения с США и СССР. В мае Народное собрание провозглашает право каждого гражда-

нина получить загранпаспорт, т. е. свободно уехать из страны; создается министерство юстиции; восстанавливается свобода вероисповедания.

События захлестывают законотворческий процесс. Улица начинает вторгаться в политику, подталкивать, торопить политиков. Демонстрации, митинги, волнения охватывают многие города. Начинает организовываться оппозиция. Чтобы сбросить давление, Президиум Народного собрания издает 16 декабря Указ «О создании политических организаций и ассоциаций». Новорожденные Демократическая и Республиканская партии делают упор на права и свободы человека, частную собственность и частное предпринимательство, рыночную экономику. Не улучшение социализма, как провозглашает АПТ, а отказ от него, переход к современным неокapиталистическим структурам. «Эра большевизма и ленинизма в Албании закончена, — заявил лидер демократов С. Бериша. — Атрибуты этой эпохи сейчас сданы в музей».

На таком фоне 26 декабря состоялась национальная конференция АПТ. Выступая на конференции, Р. Алиа заявил о необходимости сотрудничать с новыми политическими силами и о переходе к рыночной экономике. Он также мотивировал решение Политбюро убрать сталинскую символику (портреты, скульптуры, названия улиц, организаций и т. д.).

В воскресенье 31 марта в Албании состоялись первые парламентские выборы эпохи перестройки, коммунисты получили около 70% голосов и выдвинули идею правительства национального единства. Оппозиция отвергла эту идею. Не сумев с ходу завоевать парламент, она взяла курс на завоевание «улицы».

Явно активизировался сын бывшего албанского короля Зогу, именующий себя королем Лекой I. Его постоянное местожительство — ЮАР. В начале 1990 года Лека I напомнил о себе, побывав в Париже, Лондоне и Вашингтоне. В январе 1991 года претендент на албанский престол дал эксклюзивное интервью югославскому еженедельнику «Новости-8». Лека I заявил, что он готов в любой момент вернуться в Албанию, ввести там свободный рынок и установить гражданские свободы.

Лека I не одинок. Монархизм очнулся от летаргического сна. В ноябре 1990 года, нарушив визовый режим, в Бухарест из Швей-

царии прилетел бывший король Румынии Михай. Но был незамедлительно отправлен обратно. На недавней встрече с представителями сербской эмиграции в США сын последнего югославского короля Петра II Александр Карагеорге заявил, что он никогда не отрекался от короны и убежден в необходимости монархии в Югославии. Зашевелился и болгарский царь.

Любопытно, что и в Советском Союзе потянуло монархическим духом. Есть, кажется, партия монархистов. Раздаются требования причислить к лику святых «невинно убиенного» царя Николая II. Стал подавать голос претендент на российский престол двоюродный племянник Николая II великий князь Владимир Кириллович, 73-х лет от роду. По его мнению, русский народ «питает недоверие» к западным формам правления; монархия могла бы сыграть роль «верховного арбитра» и устранить «центробежные силы», ослабляющие Россию.

Наверное, в конце XX века шапка Мономаха стала менее тяжелой, чем в начале XII века.

Несколько слов о нынешней Югославии. Раньше всех начав реформы, перестройку, поиски демократической модели социализма, югославские товарищи — как затем и их коллеги в других странах — стали жертвой собственной половинчатости, нерешительности, пустопорожнего теоретизирования, нежелания отделить утопии от реальности. В результате к концу 80-х годов кризис, охвативший политику и экономику, культуру и национальные отношения, достиг апогея.

В газете «Борба» так описывалась ситуация в декабре 1989 года: «Как и руководство страны, так и руководство партии уже в который раз продемонстрировали свою беспомощность, политическую самонезащиту, и, что самое трагичное, почти полное отсутствие ответственности за положение, в котором оказалась Югославия». Такое поведение, продолжает газета, уже никого не может удивить, ибо совершенно ясно, что «подобный раскол в Югославии осуществила именно господствующая в течение длительного времени партийная олигархия, которая, показывая беспомощность в решении любой проблемы, но стремясь управлять, а также опасаясь, как бы события и кризис не сбросили ее с политической сцены, хватается за последнее, но мощнейшее оружие —

игру на национальной, а в самом деле — на националистической карте. Отсюда — ненависть, подозрительность; безоглядная пропаганда; время лжи, фальсификаций и обмана, обвинений; беспрецедентные шаги, безумие, которые завели и остановили «югославский состав» в туннеле без конца и света.

В январе 1990 года состоялся XIV (чрезвычайный) съезд СКЮ, призванный определить «основы нового этапа развития социализма в Югославии». К сожалению, съезд не решил эту задачу. Уход делегаций Словении и Хорватии парализовал его работу. В результате в конце февраля 1990 года Союз коммунистов Югославии практически перестал существовать как единая организация. Кризис, а затем и самороспуск СКЮ — отражение и выражение кризиса социализма, коммунистического движения в Югославии. В 1990 году началось становление политического плюрализма. В президентских и парламентских выборах в республиках участвовало 190 партий, 131 партия получили места в республиканских парламентах. В Словении, Хорватии, Македонии, Боснии и Герцеговине коммунисты потерпели поражение.

Предпринимавшиеся в 1990—1991 годах попытки воссоздать общегославскую партию коммунистической ориентации не увенчались успехом. Бывшие республиканские организации СКЮ не только меняют названия, но и политику: она колеблется от либерально-буржуазной до социал-демократической, но в любом случае с сильной националистической окраской.

На фоне всеобщего хаоса почти фантастической выглядела деятельность председателя Союзного исполнительного вече А. Марковича. Нельзя сидеть на двух стульях, поэтому — не «уравновешивание» рынка планом, а свобода рынку — такова его позиция.

Главным приоритетом объявлено снижение уровня инфляции. Соответственно в центр внимания были поставлены валютная реформа и жесткая кредитно-денежная политика. С 1 января 1990 года введен новый, полностью конвертируемый динар, «привязанный» к западногерманской марке. Принят ряд законов, расширяющих сферу рыночного регулирования. На рынке свободно формируется 92% цен. Растет экспорт. «Позиция союзного правительства такова, — пишет союзный секретарь по развитию Б. Марендич, — что общественный сектор должен быть передан в част-

ные руки. Без этого нет развития, нет эффективности. Без этого невозможно вступать в равноправное состязание на мировом рынке. Вот почему союзное правительство требует, чтобы в течение одного года весь общественный сектор был превращен в смешанный прежде всего за счет продажи акций работникам, чтобы те превратили так называемые самоуправленческие отношения в управленческие». Однако эффективность программы стабилизации резко снижается тем, что премьер-министр не располагает конституционными полномочиями, позволяющими преодолевать сопротивление республик. А оно не прекращается, ставя под вопрос самые лучшие начинания. Так, по подсчету «Борбы», в республиках принято 36 противоречащих союзному законодательству законов и 29 других актов, которые блокировали проведение реформ в рамках всей федерации.

Конституционный кризис югославской федерации стал фактом. Движение за так называемую «мягкую федерацию», то есть по существу за переход к конфедерации возглавила Словения. Не дожидаясь каких-либо общих решений, Словения внесла в свою конституцию поправки, предусматривающие право на самоопределение, включая выход из федерации; право не выполнять решения Федерации, ущемляющие интересы республики; выступила за создание экономического содружества с таможенной унией, республиканскими армиями, с общей стратегией в области обороны, принципиально автономной внешней политикой и системой образования. Хорватская народная партия выдвинула идею «скандинавизации» СФРЮ, то есть «добровольного, мирного разъединения» республик. Против чрезмерного «размягчения» федерации выступила Сербия.

Кризисное состояние югославской федерации — не случайность. Демократизация общественной жизни, сопровождающая крах «реального социализма», везде выносит на поверхность вопросы, которые — согласно господствовавшей мифологии — было принято считать решенными. И первый из них — национальный вопрос.

Под флагом атак на великосербский шовинизм набирают силу сепаратистские настроения. Несколько лет продолжаются волнения

в Косово. В ходе выяснения отношений все чаще звучат угрозы, а иногда и выстрелы. В начале 1991 года Президиум СФРЮ был вынужден издать постановление о разоружении и роспуске всех незаконно созданных в республиках военных формирований. Помогло, но мало. Весна ознаменовалась вооруженными стычками между сербами и хорватами. В общем, обострение противоречий между республиками, бурный рост национализма ставят под вопрос сохранение югославской федерации.

Элементы напряженности, беспокойства вновь возникли в отношениях между чехами и словаками. Усилились автономистские настроения в Моравии и Силезии. Раздаются голоса о возвращении Подкарпатской Руси: председатель Республиканской партии М. Сладек даже вывесил в Мукачеве чехословацкий флаг.

В Болгарии попытка отойти от политики насильственной ассимиляции торкоязычного, мусульманского населения, уравнять турок в правах с болгарями, вернуть турецкий язык в школу, вызвала вспышку великоболгарских, шовинистических настроений. Ряд населенных пунктов заявил о своих «суверенных правах». Создана «Ассоциация свободных болгарских городов» (Кырджали, Шумен, Силистра, Разград и т. д.), где отказываются выполнять указания Софии.

Шумная кампания ведется в Румынии по «бессарабскому вопросу». Вот, например, текст из еженедельника «Зигзаг». Цитирую: «Забывшиеся и дезориентированные смотрим мы сегодня на страдания тех 4 миллионов румын, заключенных в горбачевском ГУЛАГе, и не предпринимаем ничего. Правительство трусливо молчит, гагаузы раздирают Бессарабию, русские устанавливают террор, присылают бессарабских солдат домой в гробах». Открыто антивенгерскую направленность имеет националистическая организация «Румынский очаг». Ее председатель сенатор Р. Чантя не считает нужным маскировать свои взгляды: «Отец с детства учил меня не доверять венграм. У каждого мадьяра в кармане веревка, которой он душит румын. Поэтому я всю жизнь не верил венграм, хотя и сохранял корректные отношения с ними. Венгры хотят получить Трансильванию и не добились своего только благодаря «Румынскому очагу».

Использование тоталитарных методов «решения» национального вопроса включает в себя запрет на освещение и анализ больших проблем. Значение реальных позитивных сдвигов многократно преувеличивается. Желаемое выдается за действительное, должное — за сущее. Поэтому крах тоталитаризма, гласное обсуждение национального вопроса возвращают нас назад, в XIX век с его идеей национального (одинационального) государства, идеей национального самоутверждения. Только в этом контексте можно правильно понять истоки и характер национальных неурядиц в СССР и Восточной Европе, а также разговоров о возможной «балканизации» Восточной Европы и, соответственно, о возможности конфликтов внутри бывшего содружества.

Просматривается и другой вариант: образование региональных союзов, таких к примеру, как балканская группа, дунайско-адриатическая группировка (Австрия, Венгрия, Италия, Чехословакия, Югославия), центральное содружество (ЧСФР, Польша и Венгрия). Можно также предположить, что провал (или слишком медленное осуществление) социально-экономических реформ, неудачи в создании экономики свободного рынка, обострение «детских болезней» политического плюрализма приведут к появлению экстремистских, жестких, националистических режимов.

Такие вот дела...

Поскольку везде речь идет о разрушении модели социализма, которая долгое время насаждалась Москвой, компартией Советского Союза, поскольку везде главными «хранителями» этой модели являлись политические деятели, тесно связанные с кремлевским руководством, то везде отход от «казарменного социализма» сопровождается ростом антисоветских, антирусских настроений. Никто, разумеется, не может отрицать, что с Востока пришли и нынешние перемены — гласность, демократия, свобода. Но негативная реакция на четыре десятилетия зависимого развития, на разрыв естественных связей с мировой историей перевешивает иные чувства и умозаключения.

Столь памятное всем «братство» ушло в прошлое. Формально Совет экономической взаимопомощи еще существует. Но его уже нет как действующего фактора европейской и мировой поли-

тики. Они, если использовать выразительный оборот старого русского языка, только «влачат свое существование».

Пока существует и политическая организация договора. Но я не думаю, что эта организация будет играть какую-нибудь заметную роль. Рудимент уходящей исторической эпохи — не более того.

В свете указанных перемен утрачивает смысл, лишается реального содержания понятие «социалистическое содружество». Так именовалась группа преимущественно европейских «братских» стран, сплоченных идейно-политическим единством правящих коммунистических партий, строящих свои взаимоотношения на принципах социалистического интернационализма. Рассыпается казарменный домик «нового типа международных отношений». Миф уступает место реальности, холодному расчету, балансировке государственных интересов.

По-видимому, через некоторое время пик антисоветских настроений, разрушения старого, будет пройден. Начинается формирование новой системы двусторонних договоров. Первая ласточка уже появилась. В Москве подписан советско-румынский договор о сотрудничестве, добрососедстве и дружбе.

Рассматривая обстановку в Восточной Европе, мы видим, что общее направление экономических реформ — при всех страновых различиях — идет по линии децентрализации управления, либерализации цен, расширения частного сектора, поощрения конкуренции, привлечения иностранных инвестиций. В значительной мере одинаковыми являются и препятствующие, тормозящие факторы. Это боязнь глубокого экономического спада, инфляционный нажим, падение уровня жизни, уязвимое финансовое положение, политическая борьба вокруг денационализации (приватизации), неопытность новых правительств.

В Азии в принципе та же картина, хотя там, может быть, краски менее яркие, да и отдельные фрагменты выписаны в иной манере. Несколько обогняя общий ход изложения, отмечу, что в Европе метаморфозы социализма имеют гораздо более глубокий характер, чем аналогичные процессы в Азии. Только в СССР да, пожалуй, пока в Югославии не снят вопрос о продолжении строительства социализма. В Азии же все страны, входящие в мировую систему социализма, — КНР, СРВ, МНР и КНДР — заявляют о своей верности социализму. На социалистической платформе остаются и Куба.

Трудно найти единый критерий, объясняющий такое разделение на «чистых» и «нечистых». Первое, что бросается в глаза: наиболее устойчив «реальный социализм» там, где он был не импортирован извне, а явился результатом собственной истории, «своих» революций. Этому критерию, безусловно, удовлетворяют СССР и КНР, Югославия и Албания, Вьетнам и Куба. В этих странах правящие группы, их лидеры пользуются наиболее значительным кредитом доверия масс, что позволяет (до поры до времени?) держать на плаву лозунги социализма и в авторитарной манере дозировать «обновление» социализма. Там же, куда социализм был доставлен Советской Армией, его устойчивость оказалась минимальной. Нет правила без исключения. МНР «по правилу» должна бы принадлежать ко второй группе. Но тут сказывается слабость оппозиционных сил и «братское» окружение. В

КНДР же определяющим фактором служит асесилне тираничес-кой власти.

В Монголии слова о перестройке впервые зазвучали на III пленуме ЦК МНРП (1987 г.). Выступав на пленуме, Ж. Батмунх поставил задачу «постоянно изучать богатый опыт революционной перестройки в Советском Союзе и творчески применять его в социалистическом строительстве в своей стране». Пленум провозгласил начало экономических реформ, ориентированных на широкое использование товарно-денежных отношений. В более радикальном ключе проходила работа V пленума ЦК МНРП (декабрь 1988 года), который подчеркнул, что перестройка — это «неотложная задача партии и народа и она призвана охватить всю экономику, политическую систему, социальную и духовную сферы».

Нужные слова были сказаны. Но до дела очередь не доходила. Весь 1989 год руководство маневрировало, скупно отмечая перестроечные капли. «Внизу» же нарастало массовое недовольство. Плохо, бедно живет большинство монголов. А по мере роста, пусть медленного, культуры, пробуждения национального самосознания нищета становилась все более нетерпимой. Все более болезненно воспринимались — особенно интеллигенцией — и тотальная зависимость от Советского Союза, неравноправный характер советско-монгольских отношений.

В стране, прежде всего в Улан-Баторе, участились митинги, демонстрации, многообразные «уличные» формы протеста. Появлялись новые политические движения и организации, оппозиционные по отношению к МНРП. 2 февраля 1990 года, пытаясь взять в свои руки руководство событиями, ЦК МНРП делает, как ему казалось, «ход конем». В «Унэн» публикуется письмо Политбюро с сетаованиями по поводу медленного хода перестройки. Но цепная реакция демократизации уже началась. 18 февраля на базе Монгольского демократического союза создается Монгольская демократическая партия — первая оппозиционная партия в стране. 4 марта на огромном митинге в столице его участники — Монгольская демократическая партия, Движение демократического социализма, Новый прогрессивный союз, Союз монгольских студентов, другие оппозиционные группы — потребовали отставки пар-

тийного руководства, срочного созыва чрезвычайного съезда МНРП, создания Временного народного хурала.

12 марта собрался VIII пленум ЦК МНРП. Политбюро и Секретариат в полном составе ушли в отставку. Новым Генеральным секретарем был избран Г. Очирбат. Пленум решил отказаться от закрепления в Конституции руководящей и направляющей роли МНРП. За грубые нарушения партийной и государственной дисциплины из партии исключен Ю. Цеденбал. 10—13 апреля в Улан-Баторе состоялся чрезвычайный съезд партии, на который делегаты впервые избирались на альтернативной основе. 29 июля состоялись первые в истории Монголии свободные выборы. За ходом голосования наблюдали представители из 7 стран. МНРП получила 70% мест в Великом народном хурале, на котором были избраны малый хурал и президент.

Стремясь удержаться на волне событий, руководство МНРП пытается изменить содержание и стиль партийной работы. В проекте Программы обновления МНРП, который подготовил V пленум ЦК МНРП (ноябрь 1990 года), говорится: «В последнее время падает влияние партии, во внутрипартийной жизни наблюдается застой... Это предопределяет необходимость резкого углубления обновления МНРП... Партия меняет свои методы воздействия на экономическую, социальную и культурную жизнь общества... Партия отказывается от прежней практики, когда она руководствовалась теорией К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, считая ее незыблемым и единственно правильным учением о мире. При этом партия будет выступать против полного отрицания их наследия и попыток очернить его, будет почитать его как одно из выдающихся достижений духовного развития человечества, результат многовекового развития общественного сознания и творчески относиться к нему. Методологической основой деятельности партии будет являться теория диалектического материализма».

Особое место в перестроечных процессах, охвативших МНР, занимают — по понятным причинам — проблемы советско-монгольских отношений. Вот, например, как они ставятся в газете монгольских социал-демократов «Уч»: «Некогда Монголию называли благодатным краем, страной кочевников. Однако сейчас ее чаще называют отсталой и задолжавшей. Не означают ли эти ма-

лоприятные зпитеты, что Монголия открыла свои кладовые, где хозяйничают бледнорукие чужестранцы? Загорелые руки истинного хозяина почти 70 лет бескорыстно отдают добро другим. Чем больше берут бледные руки, тем ненасытнее становятся. В итоге хозяин кладовых оказался в кабале. Если 9,5 млрд. рублей долга разделить на два миллиона населения Монголии, то выходит, что каждый монгольский новорожденный появляется на свет должником другой страны в 25 тыс. тугриков.

Разжившийся на чужом добре «старший брат» должен внимательно отнестись к следующим аргументам.

Аргументов шесть.

Первый. За последние 15 лет почти вдвое поднялась цена на закупаемые в Советском Союзе товары. В то же время стоимость монгольского экспорта в СССР повысилась лишь на 36 процентов. И это называется честным товарообменом.

Второй. Построенные Советским Союзом объекты стоят очень дорого. Недавно один квадратный метр жилья, построенный советскими трестами, обходился в 390 рублей, а сейчас в 650. За одну и ту же работу советский рабочий получает 1200 тугриков, а монгол в лучшем случае 600. Вот еще один «секрет» ежегодного упадка национальной экономики.

Третий. Советскому Союзу дешево обходится монгольское добро: корова — 30 рублей, баран — 6, тонна медного концентрата — 842 рубля.

Четвертый. Монголия поставляет в СССР сельскохозяйственную продукцию намного дешевле, чем на мировой рынок. За последние 15 лет СССР выиграл на этом примерно 5 млрд. рублей. Эту сумму можно вычесть из общего долга.

Пятый. За последнее время резко поднялись цены на оборудование, нефтепродукты. Это дало Советскому Союзу за 1960—1989 годы около 4 млрд. рублей. Если вычесть и эту сумму, то долг Монголии исчезнет.

Шестой. В 1979—1989 годах МНР поставила в Советский Союз более 3 млн. тонн медного концентрата, или около 1 млн. тонн меди. И до смешного по низкой цене. А ведь в концентрате есть еще золото, серебро, другие редкие металлы.

Далее следуют выводы: «Из всего перечисленного вытекает, что нельзя говорить о долгах. Не мы, а нам должны. Последствия несправедливых договоров, недальновидной политики, одностороннее ориентирование экономики, бескорыстной торговли с друзьями отрицательно сказываются на жизни не отдельных отставных чиновников, а всего монгольского народа. Если считать, что за нами числится долг Советскому Союзу, то пусть его запишут на Цеденбала и его приспешников...

В народе говорят: «С кем поведешься, от того и наберешься». За почти 60 минувших лет в нашей стране Советским Союзом и другими странами построены десятки предприятий, сотни сельскохозяйственных комплексов. Это верно. Однако не вчера, а только сегодня мы узнали, что оснащались они устаревшей техникой. На них использовалась отсталая технология».

Горько читать все это. Но правда именно такова.

XX съезд МНРП (февраль 1991 г.) не оставил, на мой взгляд, заметного следа в истории перестройки. В середине апреля 1991 года Всемонгольское совещание частных предпринимателей указало правительству на то, что кризис в народном хозяйстве — результат отставания демократизации в экономике от политических перемен. Позитивная программа (13 пунктов) фактически означает перевод хозяйства на капиталистические рельсы.

Усиливается пропаганда трех великих достоинств монгольской национальной культуры: Чингисхана, желтошапочного ламаизма и национальной письменности (решено от кириллицы вернуться к старомонгольской вертикальной вязи).

Во Вьетнаме перестройка сложившихся политических структур и институтов идет медленнее, чем в Монголии. Заметнее прогресс в переустройстве экономики. Объективно обе страны сталкиваются с аналогичными трудностями. Но — и здесь мы из области объективного переходим в субъективную сферу — одинаковые проблемы решаются по-разному. Вьетнамские товарищи внимательно изучают опыт других стран. Они верно нащупали, что нахождение оптимального соотношения между преобразованиями в экономике и преобразованиями в политике — ключ к успеху перестройки. Сами вьетнамцы склоняются к китайской модели с явным акцентом на экономику. Только позитивные итоги экономи-

ческих преобразований могут создать благоприятные условия для политического обновления — так ставится вопрос.

На первом плане, конечно же, сельское хозяйство. Копирование нашего опыта дало плачевные результаты. Постановление № 100 Совмина и ЦК КПВ (1981 г.), декларирующее передачу земли крестьянам, явилось формальным актом. Барщину заменили натуральным оброком, сохранив зависимое положение крестьянина. Положение изменилось в феврале 1988 года, когда сельское хозяйство стали переводить на рыночные отношения. Землю передали крестьянским семьям в аренду на 15 лет. Скот поделили. Госхозы уравнили в правах с арендаторами перед законом и рынком. У бюрократии отняли основу ее могущества — распределение материальных ценностей.

Важно подчеркнуть, что реформа сельского хозяйства проводилась в рамках общего курса VI съезда КПВ на радикальный пересмотр методов хозяйствования: допущены свободная конкуренция в торговле и промышленности, а также частная собственность на средства производства, демонтируется административно-командная система руководства хозяйством, установлены единые (рыночные) цены и отменены карточки.

Переход к новым методам хозяйствования прошел относительно плавно, без особых потрясений, усилив социальную стабильность в стране. Не ослабла и руководящая роль КПВ. Однако во второй половине 1989 года начались осложнения. Резко пошли вверх цены. Залихорадило промышленность. Объясняют это тем, что советско-вьетнамское экономическое сотрудничество, игравшее важную роль в народном хозяйстве Вьетнама, переводится на взаимовыгодную основу. Возможно, сказывается и несинхронность политических и экономических мероприятий.

В августе 1989 года пленум ЦК КПВ энергично высказался за продолжение экономических реформ. За переход от административно-командных методов управления народным хозяйством к экономическим при обязательном сохранении партийного руководства экономикой. «Укрепление руководящей роли партии в экономической области заключается не только в выработке генеральной линии, — пишет газета «Куви дой нян зан», — еще важнее содействовать ускорению ее внедрения в жизнь. Наряду с новым

экономическим мышлением, сознающим необходимость развития многоукладной экономики, политика обновления системы управления, разработанная на VI съезде партии, является важным результатом творческого применения марксистско-ленинской теории с учетом специфических особенностей Вьетнама.

Состоявшийся 12—27 марта 1990 года VIII пленум ЦК КПВ 6-го созыва отметил всесторонний и серьезный кризис социализма, усиление давления империализма с целью ликвидации социалистических стран. Касаясь внутреннего положения, пленум подчеркнул, что за три прошедших после VI съезда КПВ года партия и государство последовательно претворяли в жизнь курс на обновление всех сфер общественной жизни, развивая многоукладную товарную экономику, ликвидируя административно-снабжениескую систему, внедряя принципы хозрасчета, расширяя внешнеэкономические связи, перестраивая управление на макроуровне, улучшая товарно-денежные отношения, укрепляя безопасность и правопорядок, расширяя демократию в партии и обществе. Однако страна пока еще не вышла из социально-экономического кризиса. Более того, в процессе обновления будут возникать новые противоречия, которые необходимо быстро выявлять и своевременно преодолевать. На пленуме вновь было подтверждено значение политической стабильности и осуждены «реформаторские отклонения» в Восточной Европе.

В декабре 1990 года были опубликованы для обсуждения проект «Программы строительства социализма в СРВ в переходный период» и документ «Стратегия стабилизации и социально-экономического развития Вьетнама до 2000 года». Общее впечатление — крайняя осторожность, половинчатость, ориентация не столько на новое, сколько на улучшение старого. Особенно — в политической сфере. По мнению Генерального секретаря ЦК КПВ Нгуен Ван Линя, вьетнамский народ выступает против многопартийности и плюрализма; только КПВ может быть единственной ведущей силой.

Такая постановка вопроса вызывает большие сомнения. Опыт показал, что единственная ведущая сила неизбежно трансформируется в силу, препятствующую движению, в силу застоя. Не трудно видеть, что в странах, где основные импульсы перемен идут

только сверху, от «начальства», от «единственной ведущей силы», реальный ход перестройки сдерживается наличием мощных «механизмов торможения», силовностью «верхов» и половинчатым, компромиссным решениям, и тому, чтобы ограничиться ремонтом уже имеющейся модели социализма. Только стягивание в перестройку «низов», масс, только политическая демократия, конкуренция потенциальных «ведущих сил» способны создать условия для действительно радикальных перемен, глубокого обновления социализма.

Вне общего движения пока остаются две страны — Куба и КНДР.

Положение на Кубе во многом определяется ее отдаленностью от своих главных партнеров, сохранением американской блокады, прочностью романтических традиций революции и неоспоримым авторитетом Ф. Кастро. Однако ничто не вечно под луной. И поиск путей повышения эффективности народного хозяйства, качества жизни масс становится все более острой и актуальной проблемой.

Но такие методы перестройки, как упор на самокритику, торжество гласности никак не устраивают кубинского лидера.

«Отвратительно, — говорит он, — что многие, в том числе и в самом Советском Союзе, посвящают себя отрицанию и разрушению исторических достижений и необыкновенных заслуг этого героического народа. Так не исправить и не преодолеть неоспоримых ошибок, совершенных революцией, которая родилась в недрах царского авторитаризма в огромной, отсталой и бедной стране. Сегодня нельзя пытаться спрашивать с Ленина за то, что он совершил самую великую революцию в истории царской России».

О взглядах и настроениях Ф. Кастро свидетельствует, в частности, его выступление на закрытии XVI съезда Профцентра трудящихся Кубы. «Этот съезд, — заявил Ф. Кастро, — не съезд предпринимателей-капиталистов. Здесь собрались владельцы богатств всей страны, хозяева страны. Здесь нет «хозяина предприятия» или «представителей коллектива, владеющего предприятием», — понятие, которое некоторые пытались путем контрабанды

внести в социалистическое сознание. Единственный и подлинный смысл значения «социалистическая собственность» заключается в том, что каждый трудящийся является хозяином всех фабрик и заводов, всех богатств своей страны. Другой концепции социализма я никогда не понимал и никогда не пойму. Групповая частная собственность не является и никогда не будет социалистической, оставаясь не более чем «групповым капитализмом», хотя мы и уважаем критерии тех, кто так интерпретирует социализм...

Мы не стыдимся говорить о Ленине, возвышать его идеи в то время, как другие переименовывают улицы и партии, носившие его имя, свергают памятники Ленину, Марксу и Энгельсу. Как никогда ранее, мы высоко водружаем знамена марксизма-ленинизма, социализма и коммунизма. Как никогда ранее, мы славим имена Марти, Масео и других наших национальных героев.

Некоторые глупцы утверждают, что героические времена безвозвратно ушли. Есть и такие, кто надеется, что революция может быть раздавлена, есть и капитулянты, и сторонники неолиберальных реформ, которые сулят нам «массу выгод». Но следует помнить, что сама революция — это самая выдающаяся реформа в истории. Пусть знают все, что революция не отступит ни на миллиметр. Да, мы будем проводить изменения, по-настоящему революционные изменения, с каждым разом все более и более революционные, так как сделанного пока еще недостаточно.

В постановлении Политбюро ЦК КП Кубы, принятом в июне 1990 года, говорится: коммунисты «не могут во имя борьбы с догматизмом и исправления ошибок социализма принять новую реакционную догму, согласно которой не существует демократии и обновления без многопартийности». Опыт показывает, что «именно многопартийная система использовалась империализмом для установления неокolonиального господства, раздела и грабежа общества, навязывания его народу коррумпированных режимов... В нынешних условиях на Кубе есть место только двум партиям — революции и контрреволюции».

Однако никакая политическая риторика не может компенсировать тот факт, что экономически Кубинская революция потерпела поражение. Плохо живут люди. И здесь главный источник труднос-

тей и грядущих перемен. В конце 1990 года, ссылаясь на перебои в торговле с СССР (переход на свободно конвертируемую валюту), Ф. Кастро объявил о введении «особого периода в мирное время». Ужесточено нормирование. Подняты цены.

В КНДР пока нет и намека на поиск, перемены. Процветает военно-казарменный образ жизни, внедряются аскетизм и много-терпение, слепое послушание вождю. Настойчиво подчеркивается исключительность, превосходство, преимущество социалистического строя в республике. Говорится об «огромной гордости и уверенности» корейского народа. «Важным преимуществом» социализма в КНДР называются «светлые перспективы» на будущее, гарантированные благодаря «небывалому единству» народа, спящему идеологией «чучхе». Все члены партии и трудящиеся, указывает «Нодон синмун», считают Ким Ир Сена «великим вождем революции», весь народ идет «за вождем — как за отцом и за партией — как за матерью». Культ личности дается солидное теоретическое обоснование.

«Поскольку вождь представляет собой центр существования партии и народных масс, преданность партии и верность народу должны находить свое концентрированное выражение в чувстве преданности вождю. Вот почему преданность вождю называют наивысшим отражением чувства партийности, пролетарской классовости и духа служения народу».

На VI съезде ТПК (1980 г.) официальным преемником Ким Ир Сена провозглашен его сын Ким Чен Ир, называемый — в отличие от «солнца нации», «великого вождя» — «любимым руководителем». День рождения Ким Чен Ира — 16 февраля — объявлен национальным праздником. Как сообщает информационное агентство ЦТАК, сразу же после рождения (в 1942 году) Ким Чен Ира его стали называть «в народе» «яркой звездой», «гением», «великим человеком».

Еще с большей помпой отмечается день рождения Ким Ир Сена. Цитирую передовую статью из «Нодон синмун» от 15 апреля 1991 года: «Уважаемый товарищ Ким Ир Сен — великий вождь, которого впервые встретила наша нация в своей многотысячной истории, и великий отец, блестяще решающий судьбу нашей родины и нации. История его революционной деятельности—

это летопись великого стратега, гения созидания и строительства, который, положив начало делу подлинного социализма, творит вековые чудеса, это эпопея борьбы легендарного героя, одержавшего победу за победой в борьбе с врагами прогресса и социализма, это история самого опытного вождя, который добился прочного единодушия, невиданного доселе в истории революционных движений рабочего класса, и... уверенно приближает светлое завтра — коммунизм».

Об экономическом положении КНДР судить трудно, так как статистики либо нет, либо она фальсифицирована. По некоторым оценкам, валовой национальный продукт КНДР в 10 раз меньше, чем в Республике Корея. А доход на душу населения соответственно 987 и 4968 долларов.

Отдельные штрихи, краткие, схематичные констатации не могут раскрыть всю сложность, многоплановость положения в той или иной стране. Но они дают возможность читателю одним взглядом охватить общую картину кризисного состояния мировой системы социализма во всей ее неоднозначности и противоречивости.

ХАРАКТЕР И ПРИЧИНЫ КРИЗИСА СОЦИАЛИЗМА

Социализм и раньше сталкивался с кризисными явлениями. Но они затрагивали отдельные страны и в разное время. Сейчас принципиально иная картина. Впервые в кризисную полосу вошла практически вся мировая система социализма. Югославский исследователь С. Живанов излагает эту мысль следующим образом: «После 20-летнего (середина 50-х — середина 70-х годов) периода в целом успешного, в основном восходящего развития большей части социалистических сил, да и мирового социализма в целом, события довольно резко и для многих неожиданно приняли неблагоприятный оборот — вплоть до застоя, провалов, регресса и поражений. Социализм и ранее сталкивался с проблемами и противоречиями, его развитие нередко сопровождалось застойными явлениями и неудачами. Специфика нынешнего периода заключается в том, что накопление проблем и противоречий достигло такой степени, когда оно приобрело новое качество, достаточно обоснованно обозначаемое как кризис социализма.

Несомненно, это не первый кризис в процессе развития социализма, но он гораздо глубже по своим проявлениям и сложнее по характеру, чем прежние, поскольку он, во-первых, захватил все важнейшие течения мирового социализма, во-вторых, распространился почти на все страны и регионы мира и, в-третьих, затронул все аспекты социализма: и идеологию, и политические платформы, и организационную структуру. Там, где социалистические силы находятся у власти, налицо и признаки структурно-системного кризиса»¹.

Подчеркивая всеобщность кризиса современного социализма, С. Живанов в то же время полагает, что перед нами — кризис существующих социалистических доктрин, социалистических сил и их проектов, а не кризис социализма как альтернативы капитализму.

У нас, в Советском Союзе, а также в КНР и ряде других стран эта точка зрения — кризис «плохого» социализма, а не социализма «вообще» — также довольно распространена. Приведу выдержки из статьи С. Алексеева «Социализм: тупик или начало?»: «Следует подчеркнуть этот факт — поражение потерпело не социалистическое движение вообще, а прикрывающийся терминологией социализма утопический, леворадикальный «военный коммунизм», отвергнутый В. И. Лениным в конце жизни.

Настоящий же социализм как итог и продолжение достоинства цивилизации а нашей стране по-настоящему еще не начинался. Великая свобода, основанная на том, что все люди становятся участниками отношений собственности, лишь была провозглашена Октябрем; в условиях нзпа только-только начали реализовываться в хозяйственной жизни ее начала. Но уже к концу 1920 года стужа сталинщины сковала этот процесс. Остались мифы и некоторые внешние аксессуары социалистического строя.

Так что выбор у человечества есть. Стихийному развитию, ведущему в никуда, может быть противопоставлена подлинно социалистическая идея в том гуманном значении, которое присуще ему по самой его сути»².

¹ Рабочий класс и современный мир. — 1989. — № 5. — С. 52.

² Литературная газета. — 1990. — № 14.

Возможно, так оно и есть. Но оперировать такими понятиями, как «социалистическое движение вообще», «подлинно социалистические идеи» не очень корректно. Ибо, как выяснилось, мы не знаем, что это такое. Для нас «плохой» социализм и был всегда социализмом вообще.

Очевидно, мало констатировать факт кризиса социализма (в любой интерпретации). Неизбежно возникает вопрос о его причинах. Предлагается такой, например, перечень «кризисогенных факторов»:

политическая и социальная несостоятельность тоталитарной модели «социализма»;

«закупорка» экономического роста и неизбежный «взрыв» всей модели планового хозяйства;

стагнация и даже падение жизненного уровня основных слоев самостоятельного населения;

/ присущее тоталитарным системам классово-кастовое расслоение населения и образование «псевдофеодальной» социальной структуры;

отрыв политической надстройки (государства, правящих партий) от масс, репрессивный характер поддержания власти;

принудительно-нигилистический характер идеологии, отчужденной от корней национального самосознания;

общая неререформируемость сложившихся политических режимов, тотально противостоящих обществу и вызывающих столь же тотальное их неприятие;

общее выпадение из развернувшейся научно-технической революции и откат на позиции «третьего мира»¹.

Все верно. Только мне представляется, что здесь дан перечень не причин кризиса социализма, а проявлений этого кризиса в разных сферах жизни. Ибо остается вопрос «почему?». Почему тоталитарные модели обрели статус всеобщности? Почему стал падать жизненный уровень? Почему социализм «выпал» из научно-технической революции? И т. д. и т. п. То есть надо сделать еще один шаг в глубь предмета и выявить причинно-следственные связи, формирующие указанный перечень (следствий, а не причин).

¹ См.: Новое время. — 1991. — № 1. — С. 24.

Итак, почему же не удался глобальный социалистический эксперимент? Моя схема объяснения сводится к трем группам причин:

во-первых, социализм возник не там, где он «должен» был возникнуть;

во-вторых, социализм стал развиваться как принципиально недемократическое общество, отягрщенное сталинизмом;

в-третьих, «рабочие чертежи» социализма, его теоретическая, доктринальная основа страдали существенными недостатками.

По поводу «во-первых» хочу сразу оговориться. Использование этого аргумента вовсе не равнозначно утверждению: если бы социализм (не социализм «вообще», а Марксов социализм) возник там, где он «должен» был возникнуть, эксперимент бы удался. Я лишь хочу еще раз обратить внимание на то, что по логике К. Маркса (по «естественноисторической» логике, как он полагал) социализм возникает как следствие зрелости, точнее, перезрелости капиталистических производственных отношений и формирования рабочего класса. Исходный, начальный пункт развития социализма — это высшая точка развития капитализма.

Известно, что Ф. Энгельс предупреждал об опасности создания коммунистического общества на острове Ява. Против социалистического эксперимента на неподготовленной почве высказывались Т. В. Плеханов, К. Каутский, Р. Люксембург. Но В. И. Ленин руководствовался иной логикой: совершив революцию и подготовив «почву» («почва» в данном случае — развитое индустриальное общество + развитое гражданское общество).

Нет смысла обсуждать вопрос о степени зрелости русского капитализма. В любом случае объективный анализ показывает, что эта «зрелость» далека от того уровня развития капитализма, который, по Марксу, отрицает себя, давая путь социализму. Если же говорить о Китае или Кампучии, об Эфиопии или Гане, то можно лишь констатировать полное отсутствие каких-либо социально-экономических предпосылок для социализма. Для «социалистически ориентированной» элиты таких стран «социализм» означал прежде всего систему институтов и методов, позволяющих удерживать власть и использовать ее по своему усмотрению.

Политическая активность, политические акции могут до изве-

стной (точнее — до неизвестной) степени подправить ход истории, ускорить (или замедлить) его, сделать его более плавным (или более тряским), более прямым (или более извилистым). Все решает именно «степень», «мера» вмешательства. История может принять, адсорбировать количественные коррективы, но рано или поздно обязательно отвергнет качественные. Судьба социализма в XX веке доказывает это.

«Во-вторых» требует той же оговорки, что и «во-первых». Демократия — необходимый, но недостаточный признак социализма. Если она есть — социализм может быть, а может и не быть. Но если ее нет — социализма нет обязательно, «по определению».

Отсутствие политической демократии в Советском Союзе можно объяснить: 1) социально-экономической отсталостью, российской традицией, которая никогда не знала демократии западно-европейского типа; несвобода — отличительная черта русской истории; 2) условиями послереволюционных лет, капиталистическим окружением, потребностью в жесткой, максимально централизованной власти, дабы вырваться из отсталости, удержаться, выжить; 3) чрезмерным упором В. И. Ленина, ленинизма на диктатуру пролетариата, всесилие партии, «классовость», недооценкой парламентаризма, демократии вообще; 4) появлением И. В. Сталина и сталинизма, фактическим обожествлением «вождя народов», формированием террористического режима абсолютной личной власти. Сталин как бы восстановил, реанимировал надломленную Петром I традицию, если воспользоваться выражением В. Г. Белинского, «китайско-византийского монархизма».

То или иное сочетание этих факторов можно проследить в любой стране, принадлежавшей к мировой системе социализма или находившейся в ее орбите. Но пожалуй, наибольшее значение с точки зрения дискредитации социализма имел сталинизм.

Сталинизм не был неизбежностью. Указанные (1—3) «тираногенные факторы» создавали у нас (как, скажем, и в Китае) благоприятные условия, своего рода предопределенность для режима личной власти, для тоталитаризма. На эту предопределенность должен наложиться «субъективный фактор», должен появиться человек, способный воспользоваться этими условиями. Здесь исто-

а Хенкер, Минск 43

рия играет в кости, здесь действует случайность. При том, однако, ограничении, что наличие благоприятной почвы делает появление «социалистического», «марксистского» диктатора более вероятным, чем его неоявление.

Безграничная власть Сталина держалась на двух опорах. Одна — это безмерное уважение, всенародная любовь к «отцу народов», любовь истинная и почти религиозная, это — надежда на то, что он приведет страну — не нас, так детей, внуков наших — в землю обетованную. Другая — это страх, всепроникающий, унижающий, разлагающий человека страх перед неподвластной государственной машиной, перед террором, ГУЛАГом, перед всеобщностью, абсурдностью, непонятностью репрессий. «Казалось, что при социализме человеческая трагедия началась снова, — писал Иоганнес Р. Бехер, — только в иной форме, прежде неизвестной и для нас совершенно непонятной»¹.

Любовь и страх. Жизнь совмещает, казалось бы, несовместимое. Совмещает при помощи вполне совместимых лжи и насилия. В свое время Николай I не стеснялся говорить: «Деспотизм еще существует в России, ибо он составляет сущность моего правления, но он согласен с гением нации»². Сталин не мог позволить себе этот политический стриптиз. Вездесущая, всепроникающая пропаганда день изю дня, год за годом вдалбливала всем, что король всегда одет по неизменной марксистско-ленинской моде. Ложь пронизывала все. Правда использовалась для того, чтобы сделать ложь еще более убедительной. Ложь маскировала насилие, облекая его в псевдотеоретические одежды (усиление классовой борьбы и т. п.). Насилие, оставаясь официально в тени, за сценой, делало ложь активной, наступательной, бесстыдной.

Сталинизм как беспощадный тоталитарный режим занял всего два десятилетия (1934—1953 годы). Сталинизм как режим авторитарный продержался еще три десятилетия (1953—1985 годы). Не могу не привести меткое замечание выдающегося советского историка М. Гелфера: «Брежневское двадцатилетие не реанимировало сталинизм, оно лишь на свой лад вложилось в его агонию. Вы-

¹ Октябрь. — 1989. — № 8. — С. 154.

² Нева. — 1990. — № 9. — С. 148.

равнению смертью пришел на смену универсализм коррупции, как некогда безумству крестовых походов — продажа индульгенций¹. Сталинизм продолжает агонизировать и в период перестройки — не потому ли «простые советские люди» продолжают бояться «начальства», а начальство, дай ему волю, немедленно ограничило бы и без того ограниченную демократию, свернуло бы голову свободной прессе...

Непререкаемый авторитет КПСС и Советского Союза в международном коммунистическом движении, во многих секторах мирового революционного процесса вывел сталинизм на широкую международную арену. Создаваемый под руководством Сталина «казарменный социализм» (минус — тщательно скрываемый ГУЛАГ, плюс — лживый пропагандистский облик) стал восприниматься как эталон социализма. А после второй мировой войны этот социализм стал тиражироваться, насаждаться Сталиным прежде всего в Восточной Европе, да и везде, куда дотягивалась «рука Москвы». Поэтому разоблачение сталинизма оказалось роковым для режимов сталинского или неосталинского типа. Живительный кислород демократии, свободы оказался несовместимым с политическими и экономическими структурами, корни которых уходят в сталинское время, — он взрывал их.

И наконец, «в-третьих», которое по значению важнее, чем «во-первых» и «во-вторых». Кризис социализма предопределен существенным несовершенством, неполнотой, ошибочностью ряда представлений классиков марксизма-ленинизма.

Социализм, получивший титул «научный», оказался не в ладах с наукой². То, чем мы так гордились, что характеризовалось как явное преимущество социализма перед капитализмом, — созна-

¹ Век XX и мир. — 1988. — № 7. — С. 36.

² В статье «Насколько научен «научный социализм»?» Э. Бернштейн писал: «...никакой «изм» не может быть наукой. «Измом» мы обозначаем мирозерцание, тенденцию, систему мыслей или требования, но не науку. Основа всякой действительной науки — это опыт, свое здание она строит на накопленном знании. Социализм же является учением об общественном строе будущего, и вот как раз поэтому то все наиболее в нем характерное и не поддается строго научному установлению» (Новое время. — 1991. — № 3. — С. 43).

тельное, планомерное, основанное на науке управление экономикой, социальными процессами, общественной жизнью, — оказалось еще одним мифом в ряду многих других. Если иметь в виду не материальные, а социальные ценности, то мы, как правило, получали совсем не то, что делали и хотели сделать. Мы провели коллективизацию, чтобы иметь высокоэффективное сельское хозяйство, а оно развалилось. Мы создали Советы, чтобы власть принадлежала народу, но Советы оказались безвластными. Мы объявили о наличии единого «советского народа», вписали этот самый «народ» в Конституцию, но реально существующие народы прорываются сквозь это искусственное единство и объявляют себя суверенными. Так кажущаяся сознательность на деле оказывается несознательной и опрокидывается спонтанной, стихийной, «естественно-исторической» логикой событий.

Из сказанного следует, что известный тезис Ф. Энгельса о превращении социализма из утопии в науку несколько опередил эволюцию социалистической идеи. Современные исследования показывают, что утопические представления были некритически восприняты марксизмом и инкорпорированы в «научный социализм». К таким представлениям можно отнести диктатуру пролетариата, общественную собственность на средства производства, отмирание государства и т. д. Диктатура пролетариата вырождается в диктатуру партийной, государственной, профсоюзной бюрократии, общественная собственность фактически становится собственностью правящих структур; государство — не только продукт классовой борьбы, но и «управляющий» общими делами. И т. д.

Но, пожалуй, наиболее тяжкий грех утопизма несет на себе вера в то, что природа человека может быть изменена в кратчайший срок — если изменится власть. Тысяча лет историю двигали различия между «твоим» и «моим», частная собственность, конкурентные отношения между товаропроизводителями. Менялись формы общественных отношений — рабовладение, феодализм, капитализм, — но суть их не менялась. Хорошо работал тот, кто работал на себя, кто видел, осязал зависимость между тем, как он работает и как зарабатывает. Социализм сломал старый мотор, двигавший вперед экономику. Он поставил новый мотор: не «мое» и «твое», а «наше». Расчет был простой: пройдет два-три десяти-

летия и в новых условиях появится новый человек, частнособственническая психология будет вытеснена коллективистской. Не получилось. Вспышки трудового героизма, особенно в первые послереволюционные годы, не меняют общей оценки: не получилось. Природа, натура человеческая оказалась неспособной приноровиться к принципу коллективизма.

Подводя итоги социалистическому эксперименту в Польше, М. Раковский, бывший премьер, писал: «Ошибки, несомненно, были, и притом серьезные, но они совершались не на пустом месте, а вытекали из применения ряда доктрин, которые никак не отвечали человеческой натуре»¹. С более абстрактных, но не менее правильных позиций подходит к проблеме выдающийся русский писатель М. Пришвин. «Если принимать человека, — замечает он, — то надо принимать его не таким, как хочется видеть его через тысячу лет, а таким, каким он есть. Всякая революция потому кончается реакцией, что не хочет признавать человека, как он есть»². В этом все дело. Не человек, каким он должен быть, не искусственно выведенный мифический «советский человек», а существо гораздо более земное, «человек как он есть», — таков исходный пункт любой доктрины, претендующей на то, чтобы сделать жизнь человека лучше.

Значит ли сказанное, что «природа человека», человека-собственника, человека-конкурента, человека-индивидуалиста, сложилась раз и навсегда и не подвержена изменениям? По-моему, преждевременно делать такой вывод. Вряд ли история остановила свой бег, сочтя идеальной, совершенной природу нынешнего человека. Природа человека — функция его истории, истории обстоятельств его жизни. Но, как показывает опыт, природа человека обладает огромной инерционной силой. И то, что складывалось, формировалось тысячелетиями, не может быть изменено за несколько десятилетий.

Критический анализ работ К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, выявление тезисов, которые были ошибочны с самого начала, и тезисов, которые оказались превзойденными историей, толь-

¹ Известия. — 1990. — 27 июня.

² Октябрь. — 1990. — № 1. — С. 167.

ко начинается. Бывшие марксисты еще долго будут рассчитывать со своей марксистской совестью. Нетрудно предсказать неизбежность лихих кавалерийских атак, преувеличений и перегибов, такого сверхкритического нигилизма. Без этого мы не можем. И хочется заранее защитить К. Маркса. Как и все люди, как и все гении, он ошибался. Но еще больше ошибались те его ученики, те его интерпретаторы и последователи, которые догматизировали, искалечили его учение, загнали его творческую мысль в клетку конъюнктурных политических расчетов.

И Маркс, и Энгельс осознавали историческую ограниченность своих воззрений. В январе 1886 года Ф. Энгельс писал Эдуарду Лизу: «Наши взгляды на черты, отличающие будущее некапиталистическое общество от общества современного, являются точными выводами из исторических фактов и процессов развития и вне связи с этими фактами и процессами не имеют никакой теоретической и практической ценности»¹. Прав ли был Энгельс? Всегда ли «их» представления о социализме были точными выводами из фактов истории и процессов развития? Это и должна выявлять научная критика. Однако ни К. Маркс, ни Ф. Энгельс не виноваты в том, что «марксисты», как правило, отрывали те или иные положения классиков от «фактов» и «процессов», которые этими классиками изучались и которые обозначали, пусть приблизительно, пределы применимости «выводов».

Как бы то ни было, социализм стал строиться в XX веке по проекту, созданному в середине XIX века. Социализм — по причине «хитростей» истории — возник не в центре капиталистического мира, а на его периферии. Вместо того чтобы развить, усовершенствовать демократические принципы, провозглашенные Французской революцией, социализм заменил их авторитарными началами политической жизни и при Сталине выродился в «душевно-деспотизм» (К. Аксаков), в террористический тоталитаризм. Итог печальный. Ни в экономике, ни в политике социализм не смог доказать, что он «лучше» капитализма, и в конце XX века стал саморазрушаться. Наступил кризис.

Теперь поставим вопрос так: каков же социальный, классовый

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.—Т. 36.—С. 364.

ный смысл событий, происходящих в мировой социалистической системе и определяющих, в частности, положение в Восточной Европе? Если исходить из «классических» представлений, то перед нами — разные варианты контрреволюции (вспомним «ползучую контрреволюцию» 1968 года). Однако сегодня трудно вообразить разумные аргументы в защиту такой точки зрения. Предлагаются более сложные конструкции.

Доктор исторических наук Л. Васильев: «...антисоциалистические революции, то есть тот поворот заново в сторону общечеловеческого прогресса, который совершается в наши дни многими бывшими «социалистическими странами», могут, вопреки своему необычному звучанию, считаться истинной революцией, хотя бы потому, что они ломают отжившую старую структуру и стремятся к более передовой новой, хотя по сути и старой, тоже бывшей». Или — короче: «революция против марксистского социализма»¹.

Доктор экономических наук Ю. Киязов: события в странах Восточной Европы следует оценивать как «неизбежные и объективно обусловленные революции, а не антисоциалистические контрреволюции... поскольку они направлены против социальных извращений и несправедливости, против тоталитаризма власти, административно-командной системы управления, против экономической неэффективности и недемократичности существовавшего десятилетиями строя, который не может называться социалистическим»².

Доктор философских наук Ю. Новопашин: «Все мы являемся современниками народных, демократических революций против государственного тоталитаризма, установленного правящими коммунистическими и рабочими партиями, и, таким образом, это — антикоммунистические народные революции»³.

Все эти революции — анти тоталитарные, анти коммунистические, анти сталинские — имели еще один, не всегда ярко выраженный аспект — антисоветский. Ибо внутреннее, социальное освобождение от тоталитаризма, от «реального социализма» везде воспринималось еще и как выход из-под опеки Москвы, прекращение

¹ Новое время. — 1990. — № 45. — С. 34.

² Коммунист. — 1990. — № 14. — С. 115.

³ Россия. — 1990. — № 1.

«братских отношений», восстановление подлинной самостоятельности.

Осознавались ли в Москве приближение крутого поворота истории, нарастание радикальных перемен в Восточной Европе, их направленность, необратимость? Думаю, что не в полной мере и с большим опозданием. Разумеется, всем было понятно, что наша перестройка вызывает брожение в «братских странах», усиливает оппозицию господствующим режимам. Вместе с тем подчеркивалось, что перестройка — «наше дело», а друзья могут поступать так, как считают нужным. Предполагалось, что предложенная КПСС концепция «обновления» социализма, его очищения от сталинских и несталинских наслоений (восстановление «подлинных» Маркса и Ленина) дает достаточный теоретический и политический простор для всех мыслимых перемен.

События приняли другой оборот. Правящие группы оказались не в состоянии проводить политику направленных, контролируемых реформ. И как это ни парадоксально звучит для «марксистского уха»¹, действительно народные, действительно демократические, массовые движения приняли антисоциалистический, антикоммунистический характер. Цепная реакция социальных взрывов встретила Москву. Встал классический вопрос: «Что делать?» Ответ последовал далеко не классический. Вопреки традициям советской внешней политики мы решили не вмешиваться. Мы наконец вспомнили, что самая эффективная политика — это принципиальная политика. И решили — в соответствии с провозглашенным нами же принципом — дать народам право самим выбрать свою судьбу, позволить им самоопределиваться.

Это решение не было легким. Заранее можно было предви-

¹ «...Самое неожиданное сегодня нам видится в том, — пишет А. И. Соловьев, — что мы довольно спокойно (т. е. создавая определенную закономерность в развитии событий) наблюдаем и оцениваем как бы «обратное» движение стран реального социализма к имманентным для капиталистических порядков канонам: к многоукладной системе хозяйствования, развитию экономики на основе стоимостных, товарно-денежных регуляторов инъецированию политического плюрализма и т. д.» (Вестник МГУ. — Серия 12. — 1990. — № 3. — С. 73.)

деть, что оно многими будет осуждено как капитулянтское, пораженческое, недооценивающее «немецкую угрозу», обрекающее СССР на изоляцию, и т. д. и т. п. Мотивы критики различны. Здесь и эмоции, связанные с Великой Отечественной войной, и комплекс великодержавности, требующий никогда и ни в чем не уступать, и такое понимание интернационализма, за которое мы расплачивались в Афганистане, и забота о безопасности страны, о ее западных границах, которые так угрожающе передвинулись на восток.

Но подойдем к проблеме с другой стороны. Была ли альтернатива невмешательству? Существовал ли такой набор политических решений, политических средств, который мог бы выдержать давление истории, напор народного цунами? Дадим волю воображению. Можно было бы вдоль всей линии, разделяющей НАТО и ОВД, поставить советские танки. Можно было бы приказать стрелять. И что же? Политической плетью не перешибешь обух истории. На время (только на время!) мы могли бы (хотя и это спорно) приглушить, загнать под политическую поверхность голоса недовольных.

Но какой ценой? Ценой резкого, критически опасного ухудшения отношений с США, да и со всем Западом. Ценой развала разрядки, новой вспышки «холодной войны» и подстегивания гонки вооружений. Ценой дискредитации перестройки (если иметь в виду дела внешние) и удушения перестройки (если иметь в виду дела внутренние). Думаю, что политическое руководство СССР поступило правильно, отвергнув эту альтернативу и проложив курс в соответствии с новой расстановкой социальных сил, новыми социальными ориентирами.

ЧТО ДАЛЬШЕ!

Каковы же ориентиры?

Характеризуя природу коренных перемен в Восточной Европе, названные выше авторы, как мы видели, делают акцент на то, против чего направлены эти революции. И предпочитают не писать о том, за что выступают эти революции, в какую сторону они объективно направлены, или, точнее, в какую сторону ориентиру-

ют их те силы, которые возглавили движение и оказались у власти, — в сторону капитализма (сверхсовременного) или социализма (сверхобновленного).

Не будем обманывать самих себя. Для многих политических сил, активно включающихся в перестройку, в том числе и для многих коммунистов, задача не ограничивается обновлением социализма. «После дискредитации «реального социализма» в Восточной Европе, — полагает известный польский ученый Е. Вятр, — на повестке дня не обновление социализма, а реставрация капитализма»¹. Не все так четко ставят вопрос. Но призывы к отказу от социализма, по крайней мере в его традиционной марксистско-ленинской интерпретации, раздаются достаточно громко.

Не случайно определения «социалистическая», «народная» удаляются из официальных названий стран (ЧССР — ЧСФР, ПНР — РП, НРБ — РБ, СРР — «просто» Румыния), возвращается старая («досоциалистическая») символика, изменяются гербы, флаги, гимны. В Польше уже отменены те разделы Конституции, где говорилось о том, что Польша — социалистическое государство, что основу ее общественно-экономического устройства составляет социалистическая общественная система, основанная на обобществленных средствах производства и социалистических производственных отношениях. Видимо, таким же путем пойдут многие страны.

Куда же ведет этот путь? Какие вообще могут быть пути выхода из кризиса социализма? Давайте представим себе логически возможные варианты.

Первый. Провал перестройки как «второй революции». Поражение демократии. Победа «аппарата». Возвращение к улучшенным, обновленным, модернизированным моделям авторитарного, неосталинистского типа. Формула: есть колбаса — нет свободы.

Считаю, что такой поворот событий возможен лишь в отдельных странах и на ограниченное время. Конкретно — в Китае или, например, в Советском Союзе. В этих странах коммунистические

¹ Международная политика. — Белград, 1990. — № 975.—С. 31.

партии, их аппараты практически сохраняют монополию на власть; значительная часть «кадров», политически активного населения сопротивляется радикальным переменам в экономике, не готова к ним идеологически (хорошо — это когда всем одинаково плохо), еще нет массовых движений, которые были бы способны подталкивать перестройку и блокировать ее «социалистических» противников.

Утверждая теоретическую возможность отката назад, я не берусь оценивать степень его вероятности. Китай, во всяком случае, сделал первые шаги назад. У нас пока (в мае 1991 года) ясности нет. По мнению многих, правые наступают, растет опасность диктатуры, усиливаются «низово́й» сталинизм, массовая тоска по сильной власти, центр (Горбачев) смещается вправо. «Нельзя не видеть, — говорил Б. В. Гидаспов, секретарь ЦК КПСС, первый секретарь Ленинградского обкома партии на совещании в ЦК (январь 1991 г.), — что кризис в стране приобрел всеобъемлющий характер и вступил в ту фазу, когда на смену политическому сопротивлению приходит противостояние гражданское, в которое, с одной стороны, вовлечены силы, по сути, ратующие за изменение государственного строя и вступление страны на путь капитализации, с другой — отстаивающие социалистический выбор, видящие возможности его достижения новыми, избавленными от деформаций прошлого методами». Гидаспов, безусловно, прав, указывая на наличие антисоциалистических сил в стране. И чем больше глупостей будут делать социалистические силы, чем непоследовательнее они будут в собственных решениях, тем более прочной будет позиция антисоциалистических сил.

Но все же главное «гражданское противостояние» (оно же и «политическое противоборство») идет, на мой взгляд, внутри социалистических сил. Только одни «обновленцы» социализма — те, которые слово «демократ» иначе как в кавычках не употребляют, толкуя о новых методах, а объективно тянут назад, к послушной прессе, к монополии одной партии. Именно вокруг этих людей сплываются наиболее консервативные элементы партийного и государственного аппарата. А на другом краю, на другом фланге — «обновленцы», которые, по-моему, так толком и не знают, что конкретно надо делать, как обновлять. Уставшие от их бессилия,

от неразберих, от блуждания в тумане люди поворачивают вправо.

В такой ситуации решающую роль мог бы сыграть прочный, устойчивый, здравомыслящий центр. Но Президент, хотя он, кажется, и отрицает это, на мой взгляд, эволюционирует вправо. Из окружения Президента уходят яркие, талантливые работники. На смену им в лучшем случае идут жесткие, привыкшие молиться на план, на центр люди, а в худшем — приспособленцы ко всему, торжествующая серость. Не случайно в интервью, которое помещено в итальянской газете «Стампа», Е. К. Лигачев приветствует поворот М. С. Горбачева «в сторону порядка и постепенности» и называет этот поворот «моя победа». Возможно, подписание известного документа «9+1» означает поворот «центра» к центру. Но, повторяю, ясности пока нет.

Демократия, если она не консолидирует свои ряды, обречена. Опасность не столько в том, что наступают правые, сколько в том, что отступают левые, отступают, показывая свою беспомощность, вялость, бессилие. И если выиграют правые, то только потому, что проиграют левые.

В качестве разновидности «попятиного» варианта можно — с оговорками — рассматривать концепцию «третьего пути», основанного на так называемой русской идее. Один из примеров — статья Сергея Земляниного в «Литературной газете»¹. «Русская идея» — это значит, что у России свой, особый путь, свое неизглаголанное слово. Цитируется для ясности (и для основательности) Чаадаев: «Мы призваны решать большую часть проблем социального порядка, завершать большую часть идей, возникших в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы, какие занимают человечество». Мне как русскому человеку приятно это слышать. Но как человеку в модном ныне «общечеловеческом» смысле слова мне не очень понятно, почему именно «мы» призваны осчастливить мир. А что призваны сделать китайцы, или американцы, или украинцы, или?... Вопрос риторический.

¹ См.: Литературная газета. — 1990. — 14 апреля.

С. Земляной утверждает, что «классический марксизм» не был враждебен идее своеобразия исторических судеб России. «Русская идея» у него трансформируется в «ленинскую идею» «третьего пути» России. Вот как видится автору (и, как считает он, Ленину) этот путь: «...сильное, централизованное государство, опирающееся на развитое местное самоуправление советского типа и федеративное национально-государственное устройство; государственный капитализм в его самых передовых германо-американских организационных формах в промышленности, торговле, финансах; строй цивилизованных кооператоров, возрождающий жизнеспособные потенции российской общины; соединение интеллигентского знания и культуры с энергией широких слоев трудящихся масс». Ведущую роль в реализации этой модели, «согласно выкладкам Ленину», должен сыграть рабочий класс и его авангард — партия.

Как видно, «третий путь» старательно обходит такие понятия, как «демократия», «гуманизм», «свобода». И понятно, почему. Потому что он снова ведет к «казарменному» социализму, к некоему социалистическому муравейнику, где каждый занимает свое место — и энергичные, но бескультурные массы, и знающая, но вялая интеллигенция, и, наконец, те, кто возьмет в руки штурвал централизованного государства. Еще раз повторю: та же казарма, только вместо русской расхлябанности и самостийности — германо-американские организационные формы. Порядок, возможно, будет. Будет и колбаса. Насчет социализма, насчет свободы — сомнительно.

Второй вариант выхода из кризиса. Возрождение «подлинного» социализма, основные идеи которого были изложены в работах классиков марксизма-ленинизма, но затем искажены, деформированы практикой. Есть такая формула: «Вернуться к ленинской концепции социализма». Воистину, не сотвори себе кумира... Ленинская концепция социализма, если оставаться на почве фактов, историзма, включала в себя — в частности, и в особенности — принципиальное отрицание рыночных отношений, всеобъемлющее планирование из единого центра, отказ от парламентаризма, разделения властей. Неп, о котором ныне говорят не иначе как с придыханием, В. И. Ленин рассматривал как политику перехода к

«настоящему» социализму. «Мы можем пройти на хороший конец эту эпоху в одно-два десятилетия»¹, — говорил В. И. Ленин. А дальше? А дальше тот же самый «Марксов» социализм без частной собственности и рыночной стихии. И не более того.

Так к чему же мы возвращаемся? Гениальные прозрения Ленина («строй цивилизованных кооператоров», например), не понятые его «гвардией», не могут — если иметь в виду науку, а не публицистику, — рассматриваться в качестве «концепции социализма». Хотя они обязательно должны быть внимательнейшим образом изучены и использованы в наших исканиях.

Нет, не следует нам возвращаться ни к Ленину, ни к Марксу. А следует, по моему разумению, идти вперед, видеть, что делается вокруг нас, думать своими головами, быть «ревизионистами». Только так можно создать концепцию социализма, коммунизма, которая выдержит испытания историей.

Та концепция социализма (или некоего «апокалиптического», лишенного «измов» общества), которая рождается в нынешних дискуссиях, отличается от принятой («реальный социализм») по крайней мере следующим: 1) допускается частная собственность на средства производства (земля, мелкие и средние предприятия, банки); 2) не план, а рынок выступает главным регулятором экономической жизни; 3) считается нормой расслоение общества, появление на одном полюсе социалистических «нуворишей», а на другом — безработных, просто бедных людей. По каждому из этих пунктов спорят о мере, степени, возможных исключениях и ограничениях, но некий усредненный рыночный вариант остается доминирующим.

Компромиссная модель (сочетание плана и рынка) атакуется с двух сторон.

Главное — рынок. «...Совместить план и рынок, — полагает В. Селюцкий, — это все равно, что вставлять в наручные часы детали от часов песчаных»². Если не кривить душой, то такая постановка вопроса выводит нас за рамки социализма...

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 45. — С. 372.

² Литературная газета. — 1990. — 2 мая.

Главное — план. Открыто защищать эту позицию сегодня — значит прослыть ретроградом, догматиком, консерватором и т. п. Поэтому защитников мало. Тем более есть смысл остановиться на их аргументации подробнее. Вот как она выглядит в изложении кандидата философских наук, доцента Академии народного хозяйства В. М. Якушева.

Он, как и «положено», опирается на «классиков». По Марксу, развитие общественных отношений идет от товарных к отрицающим их непосредственно общественным. «Не может быть ничего ошибочнее и нелепее, — писал К. Маркс, — нежели на основе меновой стоимости и денег предполагать контроль объединенных индивидов над их совокупным производством»¹.

Исходя из этого, В. М. Якушев утверждает: «Кризисные явления в советской экономике свидетельствуют не о крахе централизованной системы планирования, о чем трубят сейчас советологи всех мастей, а вслед за ними и наши экономисты рыночной ориентации, а о банкротстве идеи соединения плана и рынка, которую мы безуспешно пытаемся осуществить начиная с 1965 г. Эта идея неосуществима. Не случайно В. И. Ленин квалифицировал ее как «буржуазную утопию».

Радикальная реформа, — продолжает В. М. Якушев, — которая сейчас провозглашена и проводится, предусматривает всемерную активизацию товарно-денежных отношений. Она опять-таки направлена против исторически обусловленного хода общественно-го прогресса. А когда государственная власть действует против исторического прогресса, она, согласно марксистской теории, терпит крах через известный промежуток времени.

Замысел реформы игнорирует идею развития. Авторы рассматривают общество метафизически, как механизм, который можно собрать из разных частей. Отсюда их эклектическая попытка создать хозяйственный механизм, соединяющий в себе несовместимые части различных общественных систем, или, как они говорят, оптимально сочетающий централизованное управление, план и рынок»².

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 46. — Ч. 1. — С. 102.

² Вестник МГУ. — Серия 12. — 1990. — № 2. — С. 73.

Переходя от теории к практике, В. М. Якушев утверждает, что рынок может эффективно обслуживать только «слабо развитые производительные силы». Он может дать эффект в Китае, но буксует в Югославии, Венгрии и Польше. Что же касается капиталистических стран, то там повсеместно идет замена рыночной координаты административной, и она, по оценкам западных специалистов, во много раз более эффективна по сравнению с рыночной».

Не будучи экономистом, я не берусь судить, кто прав — кто не прав. Отмечу лишь, что пока еще нигде компромисс между планом и рынком не привел к успеху. Но индукция здесь не работает, и успех логически не запрещен.

Если придерживаться общесоциологической, «инстатовской» перспективы, то представляется, что рынок и план как «идеальные» сущности суть характеристики двух разных типов цивилизаций («царство необходимости» и «царство свободы»), весьма далеко отстоящих друг от друга во времени. Между ними — целая историческая эпоха, заполненная всеми возможными сочетаниями рынка и плана. В каждой данной точке этого растянутого, может быть на столетия, переходного периода люди будут не довольны достигнутым компромиссом между рынком и планом, будут продолжать поиск. Временами будет повышаться удельный вес рыночных начал, временами будет расти роль плана. Но постепенно, медленно, с откатом назад элементы плановости будут нарастать в ущерб стихии. Это мировоззренческое утверждение не может быть «доказано». Если не считать доказательством тысячелетнюю борьбу людей за лучшее будущее, за гуманность, «прозрачность» общественных отношений. Она, по-моему, доказывает, что история не может застыть, остановиться на стадии частной собственности и рынка. «Лучшее будущее» всегда останется впереди, у горизонта.

3 (58) При таком подходе «рыночный» социализм выступает не как «конечная цель», не как проект идеального общества, а всего лишь как неизбежная, но переходная, исторически ограниченная стадия развития, как последний этап «предыстории» человечества. Третий вариант выхода из кризиса. Реставрация капитализма в его современных, улучшенных и облагороженных, социализирован-

ных формах. Еще одна Австрия, скажем, или Финляндия. А почему бы и нет? Не вижу теоретических запретов. Или — что почти то же самое — постепенный переход к моделям социализма социал-демократического типа.

Чтобы лучше понять смысл третьего варианта, полезно познакомиться с мыслями почетного профессора Гарвардского университета Дж. К. Гэлбрейта. «Давайте говорить без обиняков, — писал он в прошлом году в «Гардиан». — То, что страны Восточной Европы считают альтернативой социализму... это отнюдь не капитализм. Если бы это был капитализм в своем классическом виде, они бы ни минуты не стремились к переменам. Альтернатива, которую они видят перед собой, — это современное государство, в котором правительство обязательно играет активную смягчающую и стабилизирующую роль... Капитализм, к которому стремятся страны Восточной Европы, не имеет никакого отношения к модели Маркса...» И еще одно соображение Гэлбрейта: «...те, кто говорит о возвращении к свободному рынку времен Смита, не правы настолько, что их точка зрения может быть сочтена психическим отклонением клинического характера. Это то явление, которого у нас на Западе нет, которое мы не стали бы терпеть и которое не смогло бы выжить».

Гэлбрейт чересчур категоричен, утверждая, что современный капитализм не имеет никакого отношения к Марксу. Имеет все-таки, иначе он не был бы капитализмом. Но это действительно другой капитализм, зашедший далеко по пути социализации капитала. И строго говоря, о реставрации такого капитализма в странах Восточной Европы (да и в любой стране мировой системы социализма) не может быть и речи. Просто нечего реставрировать. Не было в Восточной Европе такого капитализма. И переход, переходящее к нему, плавание в водах рыночной стихии — задача труднейшая. Она сопряжена с углублением социального и материального неравенства, созданием армии безработных, передачей власти в руки имущих слоев населения.

Когда я слышу трубные звуки, восславляющие рынок, я не склонен, как Гэлбрейт, оперировать терминами медицины. Остаемся в пределах истории. «Оптимальный путь общественного развития, — читаем в статье Г. Дилigentского, — это соединение ры-

111
ночной экономики с социалистическими принципами справедливости и солидарности, встроенными в механизм регулирования рынка, подчиняющими его гуманистическим приоритетам»¹. Прекрасная формула. С ней, думаю, согласились бы и Валенса, и Гавел, и Желез. Но кто скажет, как соединить, как встроить, как подчинить. Капитализму понадобилось минимум 200 лет, чтобы более или менее сносно ответить на эти вопросы, цивилизовать рынок, чтобы научиться удерживать его в рамках социализации. Да и то не всегда получается.

А сколько понадобится «нам» для того, чтобы, с одной стороны, снять с рынка плановые наручники, а с другой — по возможности свести к минимуму негативные проявления рыночной стихии? Не знаю. Пока нигде не видно заметных успехов. «Перемены в восточноевропейских странах, — пишет в югославской «Борбе» Л. Секель, — привели не только к падению правящих режимов, но и к более значительным изменениям, а именно: концу реально существовавшего социализма. Однако после первоначальной эйфории возник вкус горечи. Все проблемы, существовавшие в странах Восточной Европы, вследствие того что их структуры не позволяли преодолеть кризис, обусловленный процессом модернизации, то есть переходом с экстенсивного на интенсивное хозяйствование, остались на практике, несмотря на падение диктатуры и смену режима. Упразднение монополии партии, легализация плюрализма и введение многопартийности, элементов правового государства и системы прав и свобод человека, а также полная или частичная реставрация капитализма, то есть установление рыночной экономики, пока не решили ни одной материальной проблемы населения, касающейся его существования. Более того, нет никаких оснований утверждать, что они будут решены в ближайшем будущем. Повсюду, в бывшей Восточной Европе, в том числе в СССР, бедные становятся еще беднее, а богатые — богаче»¹.

Давайте усвоим урок. Не нужно эйфории. Не нужно кавалерийских атак. Они захлебнутся. Чтобы из тупика выйти на главную историческую последовательность, счет надо вести не на годы, а на десятилетия. Нам, по крайней мере. Ибо масштабы определяют силу инерции. В Восточной Европе дело пойдет быстрее.

¹ Новое время. — 1990. — № 31. — С. 11.

Барахтаясь в хаосе перестройки, посыпая голову пеплом и разбросав в пух и прах «реальный социализм», энергично призывая брать уроки у современного капитализма, мы часто забываем, что капитализм потому и стал современным, что давно начал свою перестройку. «Уроки Октября» были усвоены успешно. Зачем ждать революции? И капитализм, чувствуя давление рабочего движения, делает себе прививки социализма — переносит на свою почву главные экономические и некоторые политические требования социалистической программы (8-часовой рабочий день, бесплатные отпуска, пенсии, доступность образования, прогрессивный подоходный налог, улучшение условий труда и быта). Существование мирового социализма во многом предопределило ирратный век фашизма, победу национально-освободительного движения, крах колониализма, существенную перестройку всей системы международных отношений на принципах невмешательства, равноправия, мирного решения конфликтных ситуаций.

Еще один парадокс парадоксальной истории XX века. «Реальный социализм» оказался несостоятельным там, где он победил. Но он сыграл огромную роль в перестройке окружающего его мира. Он способствовал облагораживанию капитализма, подъему цивилизации на новую ступень.

Я пишу об этом не для того, чтобы «уравновесить» минусы социализма связанными с ним плюсами, и не для того, чтобы ответить тем, кто, подобно американскому историку Диане Рэвич, характеризует социализм как «самое грандиозное надувательство XX века». Мне хочется обратить внимание читателей на то, что в общем западном хоре, транжущем кризис социализма как победу капитализма, есть тревожные голоса. Вот, например, рассуждение известного французского публициста, директора еженедельника «Эвэнман дю жеди» Ж. Ф. Кана. Да, говорит он, сегодня победил капитализм, но завтра он может сам оказаться на «больничной койке». Вопрос в том, «не утратил ли капитализм в лице социализма один из основных регуляторов?». Правда, по мнению Ж. Ф. Кана, капитализму уже не раз удавалось «вылечиться от рака». Но раньше, начиная с 1917 года, капитализм был вынужден постоянно «самокорректироваться» перед лицом смертельной

опасности в виде перспективы социалистической революции. Ныне же ситуация коренным образом изменилась. Внешний стимул, внешний регулятор самосовершенствования исчез (или — исчезает). Спрашивается: «Способен ли капитализм на очередное «внутреннее возрождение» в таких условиях?» Поиск ответа на этот вопрос станут центральной проблемой 90-х годов.

Но есть и другой вопрос: способен ли социализм на «внутреннее возрождение»? Логически возможные варианты разных ответов были представлены выше. Но жизнь, практика часто «хитрее», гибче, богаче абстрактных логических схем. Будущее, скорее всего, за смешанным, синтетическим вариантом. Оно, как модно ныне говорить, многовариантно и, значит, неопределенно, таит в себе сюрпризы, неожиданности, оно открыто для социального творчества. До сих пор мы рассматривали это творчество в такой системе теоретических координат: на смену капитализму, после капитализма, вслед за капитализмом идет социализм; рано или поздно социализм вытесняет, вымывает капитализм из истории.

I В такой системе координат социализм в принципе, по определению — социальный антагонист капитализма. Перестройка, обновление социализма объективно призваны ускорить переход человечества на новую ступень. При этом борьба (соперничество, конкуренция) двух мировых систем остается ведущей тенденцией, движущей силой мирового развития. Сказанное, разумеется, не только не исключает, а, наоборот, настоятельно требует введения борьбы двух типов общества в мирное, цивилизованное русло. Повышение удельного веса общечеловеческих интересов и ценностей в мировой политике способствует этому процессу, укрепляет мирное сосуществование.

В В А теперь возьмем другую, «неклассическую», систему координат. Предположим, характер исторического развития изменился настолько, что прежнее представление о мировом революционном процессе утратило смысл. Капитализм и социализм перешли на параллельные рельсы. Возникло своего рода пространство Лобачевского, в котором, как известно, параллельные сходятся. Не исключено, что нарастающее конструктивное взаимодействие двух систем, перестройка, модификация каждой из них приведут к по-

степенному их сближению, к синтезированию принципов 1789 и 1917 годов.

Если принять этот вариант будущего, то социальные антагонизмы — и в национальном, и в международном масштабах — «обречены» на постепенное затухание, и ведущей тенденцией мирового развития станет не борьба, а сближение систем. На базе сближения, конвергенции двух типов общества размываются классовые деления и формируется единая цивилизация.

Мне трудно судить, насколько устарела первая гипотеза и насколько состоятельна вторая, насколько назрело время (и созрели мы) для смены, как модно выражаться, парадигм, для идеологической реформации, прорыва и «неклассическому» марксизму. В конце концов выбор сделает история, и в немалой степени — под влиянием перемен, охвативших ныне мир социализма.

Мои личные симпатии — на стороне конвергентного развития. По-моему, в пользу такого выбора работает великая демократическая революция, которая сметает диктатуры и диктаторов и постепенно охватывает все страны и регионы. В пользу такого выбора работает и непрекращающийся процесс ограничения эгоистических групповых интересов, социализации общественной жизни. В пользу такого выбора работают нарастающие усилия поставить под сознательный контроль общества характер и направление его эволюции.

Не будем гадать о конкретных формах будущего общества. По-видимому, социальный и научно-технический прогресс приведут к изменениям массовой психологии и позволят человечеству выйти за пределы частной собственности и рыночных отношений. В принципе каждому человеку будут обеспечены человеческие условия существования. А это значит господство демократии, гуманизма, справедливости. А о том, каким «измом» будет названо то далекое общество, как оно будет видеть свою связь с нынешними представлениями о социализме и коммунизме, — пусть позаботятся наши потомки.

Во всяком случае, мы, живущие в конце XX века, можем повторить знаменитые слова Гёте: «Здесь и отныне началась новая эпоха всемирной истории, и вы вправе говорить, что присутствовали при ее рождении».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Симптомы болезни	4
Первые попытки перемен	7
Развитие событий в Восточной Европе	11
Судьба социализма на других континентах	29
Характер и причины кризиса социализма	39
Что дальше?	51

Научно-популярное издание

БОВИН Александр Евгеньевич
КРИЗИС МИРОВОГО СОЦИАЛИЗМА

Редактор В. Р. Быстров
Мл. редактор Т. А. Тарасова
Худож. редактор М. А. Гусева
Техн. редактор А. М. Кресавина
Корректор Л. В. Иванова

ИБ № 11206

Сдано в набор 26.04.91. Подписано к печати 26.06.91. Формат бумаги 70×108^{1/2}. Бумага тип. № 2. Гарнитура журнально-рублиная. Печать высокая. Усл. печ. л. 2,80. Усл. мр.-отт. 2,89. Уч.-изд. л. 3,50. Тираж 8754 экз. Заказ 646. Цена 40 коп. Издательство «Знание». 101835, ГСП, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Индекс заказа 911307.
Типография Всесоюзного общества «Знание». Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.

Новая подписная
серия издательства
«Знание»

22-12
с 1 9 9 2 г.

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО

ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЕ в ШКОЛЕ, ТЕХНИКУМЕ, ПТУ
НЕВОЗМОЖНО ИЗУЧАТЬ

без новой серии издательства «Знание»

«ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО»

Старые учебники устарели, новые еще не родились.

По согласованию с Госкомитетом СССР по народному

образованию издательство «Знание» с 1992 г.

начинает выпуск ежемесячных брошюр

«ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО»

Серия отвечает программе нового курса,
который будет изучаться в старших классах

Издательство
«Знание»

Наш адрес:

101835,

Москва, Центр,

проезд Серова, 4

Индекс серии в каталоге
«Всесоюзные газеты
и журналы»,
раздел «Подписные серии
издательства «Знание»

70098